

утро, многочасовое умоление Михаила и Марфы принять оказанную им честь. Ее содержание идентично соответствующей записи в Разрядной книге 1613 г. Это дает право предположить, что именно грамота Феодорита стала источником Разрядной книги.

Беловой характер грамоты Феодорита в архивном деле говорит о том, что этот список был отправлен в Москву. Он стал как бы отчетом посольства перед Земским собором. После этого послы вошли в окружение Михаила и стали сопровождающими нареченного царя на всем протяжении его пути в столицу.

ПЕРЕПИСКА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА С ЗЕМСКИМ СОБОРОМ И ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Михаил Федорович и Марфа Ивановна хорошо знали о том, что в Москве к их приезду ничего не готово: дворец разорен, продовольствия и денег в казне нет, поэтому не стали торопиться с поездкой в столицу. Только 19 марта они решили двинуться в путь, хорошо зная, что из-за весенней распутицы вскоре дороги будут непроходимыми. Сложной будет и переправа через Волгу. В итоге вся поездка заняла 7 недель в то время, как послы добрались до Костромы всего за 12 дней, а гонцы преодолевали это расстояние за четыре–шесть дней.

Между нареченным царем и временным московским правительством установилась активная переписка, отложившаяся в архивном «Деле об избрании на царство Михаила Федоровича». Как уже отмечалось, письма Михаила носили беловой характер, письма же временного правительства были черновиками. Значит, весь комплекс сформировался при московской канцелярии. Аналогичный комплекс должен был быть и у дьяков Михаила Федоровича, но он не сохранился.

Интересной особенностью переписки являлось то, что из различных городов грамоты на имя Михаила приходили не только к нему самому, но и в Москву к временному правительству, которое писало ответы тоже от имени царя. Ведь официально именно он был главой государства.

Следует отметить, что исследуемая переписка и раньше привлекала внимание историков. Так, С.М. Соловьев упоминал некоторые грамоты, С.Ф. Платонов в статье «Московское правительство при первых Романовых» указал, что данная переписка является важным источником о первых шагах молодого царя в качестве государя. По его мнению, она наглядно свидетельствовала о том, что его власть ничем не была ограничена²¹.

Однако полностью весь комплекс грамот с учетом черновой правки никогда не исследовался. Поэтому в данной работе предпринята попытка рассмотреть каждую грамоту с учетом ее палеографических особенностей.

Одними из наиболее ранних грамот в «Деле» являются отписки из городов о присяге жителей новому царю. Как правило, они были приложены к соответствующим известиям из Москвы.

После 4 марта пришла грамота о присяге жителей Переяславля-Рязанского. Члены временного правительства известили об этом Михаила (л. 95–96 «Дела»). В грамоте сообщалось, что 4 марта от рязанского воеводы Мирона Вельяминова и дьяка А. Блохина, а также от свияжан Казанского государства прибыла грамота с несколькими посольными. В грамоте сообщалось, что 1 марта все жители Переяславля Рязанского в храме Успения целовали крест Михаилу Федоровичу и пели молебны со звоном. Узнав об этом, члены Земского собора отправили рязанцев, Ивана Вельяминова с четырьмя чловеками, и казанского мурзу Аклыма Тугушева с 15 сопровождающими и стрельцов для охраны к царю Михаилу Федоровичу вместе с текстом присяги (л. 96).

Интересна правка в этой грамоте. Первоначально писалось, что ответ царю был составлен от имени Кирилла, архиепископов, епископов и всего освященного собора и «холопов твоих Мстиславского с товарищи». Потом фамилия Мстиславского была вычеркнута и вместо нее было вставлено: «бояре и окольные, и всяких чинов люди» (л. 95). Данную правку можно объяснить тем, что члены Земского собора не знали, как отнесется Михаил к тому, что временное правительство в его отсутствие возглавил боярин Ф.И. Мстиславский. Поэтому его фамилия была вычеркнута и заменена безликим перечислением высших чинов. Вторая правка касалась классификации посланцев из Рязани. Сначала их называли сеунщиками, т.е. гонцами с радостной вестью, потом слово «сеунщик» было вычеркнуто, возможно, потому, что сеунщики обычно извещали о военной победе.

Таким образом, можно сделать вывод, что, судя по правке, отношения между временным московским правительством и Михаилом Федоровичем были достаточно сложными. Чтобы не вызывать возмущение у будущего царя, члены собора старались быть предельно осторожными в своем послании.

К рассмотренной выше грамоте примыкает еще одна – грамота Кирилла и Земского собора царю Михаилу Федоровичу о присяге ему свияжан, находящихся на службе в Переяславле-Рязанском (л. 97). В данной грамоте сообщалось о том, что 1 марта свияжане во главе с И. Чуркиным целовали крест царю Михаилу Фе-

доровичу. Среди них были не только служилые люди, но и князья, мурзы и татары, которых привели к шертованию.

В данной грамоте также есть правка, касающаяся тех, от чьего имени составлялась грамота. Вычеркнута фамилия Мстиславского, вместо нее добавлено: «и окольные и всяких чинов люди». В заключительных фразах вместо: «Кирил митрополит Ростовский и Ярославский и весь освященный собор и Мстиславский с товарищи» оставлено: «И мы, богомольцы твои и холопы».

Эта правка опять же свидетельствует о стремлении членов временного правительства всячески продемонстрировать Михаилу свою покорность и самоуничижение. Несомненно, они знали о нежелании М.Ф. Романова становиться царем, о подозрительном отношении его матери к московским боярам, не раз изменявшим своей клятве выборным царям.

С марта временное московское правительство стало рассылать грамоты по городам уже от имени царя Михаила Федоровича. Об этом свидетельствует грамота в Шую от 9 марта 1613 г. (Опубликована П.Г. Любомировым). В ней писалось воеводе И.Я. Блохину о том, что земский староста Т. Дубовников приезжал в Москву и бил челом от имени всех шуян о том, что воеводы Владимира и Суздаля без конца собирают с города различные налоги в виде зерна, подвод и т.д. В итоге жители города обнищали, пришли в бедность и разорение. В ответ от имени царя Михаила воеводе И.Я. Блохину наказывалось оберегать шуян от чрезмерных поборов, все грамоты с исками отправлять в Москву в Галицкую четверть дяку М. Бегичеву. В приписке к грамоте значилось, что 17 марта она была уже привезена в Шую.

Следует отметить, что хотя московское правительство постаралось оградить шуян от поборов со стороны владимирского и суздальского воевод, но само хотело собрать с них «пушечные запасы»: «12 аршин холстов, льняных и посконных, 9 пятков льна и поскони, 15 гривен смолы». В грамоте от марта 1613 г. отмечалось, что делалось это «по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича указу и по приговору и по наказу боярина воеводы князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого да стольника воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского»²².

Данная грамота свидетельствует о том, что, хотя главой государства объявлялся царь Михаил Федорович, но ополченческие воеводы продолжали участвовать в сборе всего необходимого для войска. Вполне вероятно, что сам царь об этой их деятельности даже не знал, поскольку в грамотах к нему об этом не сообщалось.

До прибытия Михаила в Москву, 19 марта 1613 г. от имени Земского собора была отправлена грамота Сигизмунду III. Она дошла до нас в списке и была опубликована в СГГД (ч. 3).

Поскольку между польским королем и русским государем долгие годы шли споры о титулах, то следует отметить, что в данной грамоте титул Сигизмунда звучал так: «Великому государю Жигимонту третьему Польскому и Великому князю Литовскому, Русскому, Прусскому, Жемоитскому, Мазовецкому и иных». Земский собор именовался так: «Великой Российской державы Московского государства митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь Освященный собор и бояре, окольные, чашники, стольники, дворяне большие, дьяки, дворяне с городов, приказные люди, головы стрелецкие и казацкие, дети боярские и всяких чинов люди всего великого Российского царствия» (с. 22–31).

Титул «государь» для короля довольно обтекаем и подразумевал под собой лишь верховного правителя страны. В перечне чинов, присутствовавших на соборе, было некоторое преувеличение, поскольку митрополит в то время был один – Кирилл.

Интересно отметить, что в грамотах к Михаилу в перечне чинов упоминались уездные люди, т.е. крестьяне, «черные люди», т.е. чернососные крестьяне, и даже жилецкие люди, т.е. холопы и крепостные крестьяне. В грамоте к Сигизмунду о них нет ни слова, видимо, для того, чтобы показать королю, что к нему обращаются самые высшие слои общества.

Основная цель грамоты к Сигизмунду состояла в том, чтобы обвинить его в нарушении международных договоров, в грубом вмешательстве в дела Русского государства, обмане и прямой интервенции. Авторы грамоты напомнили королю, что в 1601 г. между ним и царем Борисом было подписано и с обеих сторон скреплено крестным целованием перемирие на много лет. Однако уже через несколько лет Сигизмунд забыл об этом договоре и послал на Русское государство вора и расстригу Гришку Отрепьева, чтобы вызвать междоусобие. Потом, когда воцарился Василий Иванович, польские знатные люди, Р. Рожинский, А. Вишневецкий, А. Зборовский, Я.П. Сапега, со многими польскими людьми назвали Дмитрием нового вора и с ним вторглись на территорию Русского государства. Началось новое жестокое кровопролитие. В это время король прислал царю Василию своих посланников для заключения перемирия на 3 года и 11 месяцев. По его условиям все поляки должны были быть выведены из Русского государства. Однако вместо этого сам король вторгся в районе Смоленска и осадил этот город. Потом он отправил гетмана Жолкевского к Москве, и тот начал угрожать столице.

Авторы грамоты обвинили короля в том, что он обманным путем пытался овладеть Московским государством, постоянно давал ложные клятвы: обещал дать на царство сына Владислава, согласился на его венчание патриархом Гермогеном по древнему обычаю, клялся не рушить веру греческого закона, весь духовный чин почитать, в духовные дела не вступать, полякам воеводства не давать и многое другое. Русские люди поверили обещаниям Сигизмунда и целовали крест Владиславу, а непопулярного царя Василия Ивановича свели с престола.

Но Сигизмунд не выполнил ни одного обещания: от Смоленска не отошел, сына на престол не дал, ввел в Москву свой гарнизон и начал притеснять русских людей, послов, отправленных к нему, арестовал. Более того, изменники М.Г. Салтыков, В.М. Мосальский и Ф. Андронов стали убеждать всех целовать крест самому Сигизмунду, а не Владиславу. Когда же патриарх Гермоген обличил их злые умыслы, А. Гансевский приказал бросить патриарха в тюрьму. Там он и умер от голода.

Авторы грамоты полностью сняли вину за случившееся в Москве с «Семибоярщины». По их версии, бояре находились в Кремле в неволе, некоторые даже были убиты, в частности, А.В. Голицын. Никто не мог противиться тому, что поляки разграбили царскую казну, церкви и имущество горожан.

В итоге за все неправды короля было решено «не хотеть» на Московское государство ни его самого, ни его сына. Все люди объединились и начали борьбу с польскими захватчиками.

Главная задача грамоты состояла в том, чтобы убедить Сигизмунда освободить русских послов и отправить их на родину. Эта просьба многократно повторяется. Королю прямо заявлялось, что его претензии на царскую корону беспочвенны и бесперспективны. Авторы грамоты предлагали полякам начать переговоры не только о возвращении послов, но и об обмене пленными. Они напомнили, что когда-то царь Василий Иванович без всяких условий отпустил в Польшу послов, которые прибыли на свадьбу Гришки Отрепьева, поскольку таков обычай во взаимоотношениях между христианскими странами. К грамоте была приложена роспись задержанных в Польше послов, среди которых на первом месте стоял митрополит Филарет. Упомянуты были и захваченные в Смоленске архиепископ Сергей и боярин М.Б. Шеин с женой и детьми.

Характерно, что в тексте грамоты нигде не упоминалось об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. Видимо, бояре опасались, что это известие самым отрицательным образом повлияет на судьбу Филарета и на отношения между государствами.

Грамота была без подписей, но скреплена печатью казанского митрополита Ефрема и черной восковой земской печатью. Правда, 10 марта митрополита Ефрема еще не было в Москве, он прибыл вместе с Михаилом Федоровичем в начале мая.

В рассмотренной выше грамоте к королю Сигизмунду впервые достаточно подробно была представлена официальная версия Смуты. Главным виновником всего случившегося были объявлены именно король и польская знать, поддержавшие Гришку Отрепьева, выдвинувшие нового самозванца и затеявшие многолетнее кровопролитие в Русском государстве.

Посольству Д. Оладьина, отправленного с грамотой к Сигизмунду, не удалось достичь поставленной цели. Король не захотел решать вопрос об освобождении послов и размене пленных. Он полагал, что его сын Владислав все еще имел шанс занять московский престол.

9 июня 1613 г. представители Рады отправили в Москву ответное послание, в котором попытались максимально обелить Сигизмунда и обвинить во всех грехах русских людей. Характерно, что для этих целей они активно использовали грамоты Лжедмитрия I, «Повесть како отмсти» и некоторые другие публицистические сочинения, созданные русскими авторами в Смуту. В итоге поляки повторили версию «Повести како отмсти» о том, что появление Лжедмитрия I стало божьим наказанием царю Борису за убийство царевича Дмитрия и иные преступления. Они заявили, что заключение перемирия с царем Борисом на 20 лет и Василием Шуйским на 3 года и 11 месяцев было сделано при сильном давлении на польских послов, поэтому было незаконным. Кроме того, они обвинили царя Василия Ивановича в обмане, поскольку тот якобы просил у Сигизмунда сына на престол вместо правившего в то время Гришки Отрепьева.

Возможность такой просьбы вызывает большое сомнение, поскольку она свидетельствовала бы о том, что русская знать окончательно разуверилась в истинности самозванца и официально объявила об этом королю в то время, когда шла активная подготовка к свадьбе Марины Мнишек и многие знатные поляки собирались в Москву. Узнав о настроениях при московском дворе, король вряд ли бы дал согласие на предполагаемый брак и отпустил бы своих подданных почти на верную смерть или плен.

Очень интересно объяснили поляки причину вступления короля на русскую землю и осаду Смоленска. Сигизмунд якобы хотел помочь в борьбе с Тушинским вором и во многом способствовал тому, что Тушинский лагерь развалился. Царь Василий вместо благодарности пошел войной на короля, но Клушинская бит-

ва всех рассудила. В итоге русские люди сами же свергли В.И. Шуйского и сами попросили на престол Владислава. Поцеловав ему крест, они теперь не имеют права избирать иного государя, поскольку против воли Бога и своего крестного целования идти нельзя.

Относительно смоленских послов польские паны написали, что те сами виноваты в своем пленении, поскольку были неискренними. В.В. Голицын якобы ссылался с Лжедмитрием II и приглашал на московский престол, втайне же сам мечтал о царском венце и рассылал по городам грамоты о том, что король не хочет дать сына и вознамерился присоединить Московское государство к своей короне. Эти грамоты привели к новой смуте, активно разжигаемой П. Ляпуновым и «душегубцем» патриархом Гермогеном (с. 56–65).

Несомненно, что в ответной грамоте польских панов явно утрированы все события и сделана попытка обелить короля Сигизмунда. О его истинных намерениях относительно Русского государства и православной веры известно из его переписки с Римским папой, католическим духовенством и испанским королем. Так, 16 марта 1612 г. Сигизмунд писал испанскому королю Филиппу, что ведет справедливую войну против наследственных врагов своего королевства, желая не только расширить свои владения, но и распространить католическую веру среди варварских народов (л. 126).

Попытки временного правительства решить вопрос о возвращении Филарета на родину не увенчались успехом. Сигизмунд упорно настаивал на правах своего сына на московский престол и разменивать пленных не желал. Поэтому до конца 1618 г. Речь Посполитая и Российское государство были в состоянии войны. Только после неудачного похода на Москву королевича Владислава в декабре 1618 г. было заключено Деулинское перемирие, по условиям которого члены Смоленского посольства получали возможность вернуться домой. Встреча Филарета и Михаила Федоровича состоялась лишь в июне 1619 г.

Пока весной 1613 г. Михаил Федорович медленно ехал к Москве, в столицу приходили сведения о присяге новому царю жителей различных городов. В составе архивного дела хранятся несколько черновиков грамот об этом.

Мартом 1613 г. датирована отписка Земского собора царю Михаилу Федоровичу о присяге ему выборных людей из Нижнего Новгорода. Ее черновик находится на л. 102–103 «Дела». В данной грамоте от имени митрополита Кирилла и членов Земского собора сообщалось о том, что выборные от Нижнего Нов-

города, спасский протопоп Савва и посадский человек Федор Марков с товарищами, поцеловали крест новому царю и попросили разрешение ехать на встречу к государю. Члены собора им такое разрешение дали. Кроме того, часть выборных людей они отправили в Нижний Новгород приводить его население к крестоцелованию (л. 102).

Из правки данной грамоты становится известно, сколько выборных людей приехало из Нижнего Новгорода в Москву. Кроме Саввы и Ф. Маркова, в состав делегации входили: предтеченский поп Герасим, мироносицкий поп Марко, никольский поп Богдан, посадские люди: Сафрон Васильев, Яков Шеин, Третьяк Андреев, Яким Патокин, Богдан Мурзин, Богдан Кожевник, Третьяк Ульянов, Мирослав Степанов, Алексей Маслухин, Иван Бабурин, таможенный голова Борис Панкратов, кабатский голова Аникей Васильев, дьяк Василий Сомов и дворянин Григорий Измайлов. Последних четырех отправили приводить нижегородцев к присяге во главе с боярином В.Т. Долгоруким (его имя было вставлено в основной текст) (л. 103).

Несомненно, что в данной грамоте содержатся важные сведения о составе делегации выборщиков из Нижнего Новгорода. Всего было прислано 19 человек, в том числе 4 представителя духовенства, 1 дворянин, 1 дьяк, 2 представителя посадской верхушки (головы) и 11 посадских людей, занимавшихся разными промыслами. Среди них нет ни воинских людей, стрельцов и казаков, ни «жилецких людей», т.е. холопов и крепостных крестьян.

Можно предположить, что от других крупных торговых городов были присланы аналогичные делегации. Данные факты опять же опровергают версию о том, что Михаил Федорович был казачьим избранником.

К предыдущей грамоте примыкает еще одна отписка царю Михаилу Федоровичу от собора, датированная также мартом 1613 г. (л. 106–107). В ней сообщается от имени Кирилла и других участников собора о том, что из Нижнего Новгорода от имени архимандритов, игуменов и всего Освященного собора, а также воевод В. Звенигородского и А. Алябьева и дьяка В. Семенова и других служилых людей («дворян, детей боярских, голов, сотников, атаманов, казаков, стрельцов и всяких служилых и жилецких людей») на имя царя Михаила Федоровича пришла грамота о присяге всех жителей и их готовности «прямить и добро хотеть во всем безо всякие хитрости, и с полскими, и с литовскими, и с немецкими людьми, и с твоими государевыми изменники, которые тебе, государю, служить не учнут, битися до смерти с великою радостью» (л. 107).

Аналогичный характер носит отписка Земского собора царю Михаилу Федоровичу о присяге ему жителей Боровска (л. 104–105). В отличие от предыдущей грамоты в данной содержатся точные даты: указано, что грамота из Боровска была написана 14 марта, а крестоцелование в Боровске произошло 5 марта еще до получения соответствующего указа из Москвы.

Последнее замечание довольно любопытно, поскольку известно, что грамоты в города об избрании Михаила Федоровича царем были отправлены еще 25 февраля. Возможно их послали только в крупные и отдаленные города, Боровск же в их число не попал.

Грамота из Боровска писалась от имени протопопа местного собора, духовенства, воеводы Ф. Бутурлина, дворян и детей боярских, но почему-то составители грамоты к царю вычеркнули слово «все» при упоминании дворян и детей боярских. Возможно, они имели сведения о том, что не все боровчане целовали Михаилу крест. Но зато было вставлено, что целовавшие крест были «от мала и до велика». Кроме того, вставлены были имена приехавших с грамотой в Москву боровчан: Андрей Левшин, Любим Радищев, Воин Марин, казаки Ивашка Мясной, Юшка Семенов и Данилка Ланшин.

Члены собора, именовавшие себя «богомольцами и холопами государственными», согласно вставке, отправили боровчан вместе с крестоцеловальной записью к царю Михаилу Федоровичу. Это произошло 15 марта, когда избранник еще был в Костроме (л. 87).

Возможно, в марте прибывали и другие делегации из городов, присягнувших новому царю, но в «Деле» соответствующих документов нет. Другие аналогичные грамоты датированы уже апрелем.

Несомненно, что присяга была достаточно сложным делом, сначала горожане должны были получить из Москвы текст крестоцеловальной записи, потом следовало организовать саму процедуру крестоцелования, в которой должны были принять участие все горожане. После подписания всеми записью следовало отправить в Москву с представительными посланцами. Все это требовало значительного времени. Поэтому можно предположить, что не только боровчане действовали без указания сверху, но и нижегородцы. Жители же других городов самостоятельной инициативы проявлять не стали.

Пока в Москве временное правительство и Земский собор от имени царя Михаила Федоровича занимались различными делами, в Костроме нареченный царь и его окружение готовились к

тому, чтобы взять власть в свои руки. Об этом свидетельствует грамота архиепископа Феодорита и боярина Ф.И. Шереметева митрополиту Кириллу с духовенством и боярину Ф.И. Мстиславскому с товарищами, датированная 17 марта. В ней содержалась просьба как можно скорее прислать государственную печать и боярские списки. При этом Феодорит и Шереметев напоминали, что писали об этом много раз, но ответа до сих пор не получили. Присылка печати была нужна для того, чтобы рассылать по стране официально скрепленные царские грамоты.

Получалось, что уже в Костроме новый государь и его окружение занялись государственной деятельностью и попытались лишить временное правительство права действовать от его имени.

Грамота Феодорита и Шереметева дошла в составе «Дела» в беловом виде. На обороте написан адрес и под ним сделанная в Москве дьяческая помета: «Послать печать и сделать сорочка и тоган». О боярских списках не упомянуто.

Возможно, царь и его окружение хотели получить боярские списки, чтобы послать часть бояр на службу: воеводами в города, во главе отрядов против многочисленных врагов. Но они не были присланы в Кострому.

Следует отметить, что в грамоте участников Костромского посольства впервые при обращении к членам временного правительства было упомянуто имя боярина Ф.И. Мстиславского. Возможно, это произошло потому, что его кандидатура как главы временного правительства была одобрена новым царем.

Грамота о присылке печати была отправлена после 17 марта, поэтому саму печать Михаил Федорович вряд ли получил раньше, чем через 10 дней. Скрепленные этой печатью грамоты могли быть получены в городах только в апреле. До этого временное правительство продолжало руководить страной. О некоторых своих делах они отчитывались перед государем, но не обо всех.

После 19 марта была составлена отписка об отправке в Белев и другие города ратных людей для борьбы с поляками (л. 79а–81). Вновь она была написана лишь от лица митрополита Кирилла. Фамилии остальных членов собора не упомянуты.

В данной грамоте подробно сообщалось о том, что 12 марта несколько воевод – белевские А.А. Хованский и С. Гагарин, калужский окольный А.В. Измайлов, и мценские И.А. Хворостинин и Т.Ю. Мещерский, написали в Москву о появлении около Белева, Мещовска, Калуги и Козельска (последнее название города вставлено) литовцев и донцов.

В ответ члены временного правительства отправили в Белев, Калугу и Мценск грамоты, в которых указывали воеводам от име-

ни царя Михаила Федоровича собрать ратных людей в Украинных и Северских городах и идти против поляков и литовцев. В свою очередь, в помощь воеводам они отправили воевод С.М. Колтовского и Г. Чебышева с атаманами и казаками численностью в 2323 человека. В дальнейшем они обещали царю Михаилу Федоровичу сообщать о новых вестях из данных городов (л. 80–81).

Рассмотренная выше отписка свидетельствовала о том, что в Калуге, Белеве, Мценске, Мещовске и Козельске были воеводы, поддерживавшие тесные связи с московским правительством. В марте 1613 г. в этих местах создалась опасная ситуация из-за нападения польско-литовских отрядов. Не дожидаясь царского указа, члены правительства отправили на помощь воеводам большой отряд казаков.

Данный факт говорил о том, что в марте временное правительство было способно действовать самостоятельно, хотя и писало от имени царя Михаила. Оно стремилось контролировать обстановку в приграничных городах и принимать необходимые меры для их защиты. Этот вывод подтверждает другая отписка царю Михаилу Федоровичу, также написанная после 19 марта (л. 76а–79).

В данной грамоте есть одно существенное отличие от предыдущей отписки, в которой при перечислении чинов кратко отмечено: «холопы твои государевы бояре, окольные и всяких чинов люди». Во второй грамоте содержится полный перечень всех чинов: «бояре, окольные, стольники, стряпчие, дворяне московские, приказные люди, дворяне из городов и дети боярские, головы, сотники стрелецкие, атаманы, казаки, стрельцы, гости, торговые и всякие служилые (вставлено: и жилецкие и всяких чинов) люди (л. 76а). Данный перечень показывает, что грамота царю писалась не от временного правительства, а от представительного Земского собора. Другие грамоты, рассмотренные выше, такого подробного перечня чинов не имели (кроме грамот Михаилу и Марфе о решении Земского собора избрать Михаила царем).

Отличие данной отписки от аналогичных могло быть связано с тем, что в ней писалось о серьезной опасности – нападении шведов на Псков, крупный торговый город, имевший для России большое значение после отпадения Новгорода и его окрестностей. Возможно, авторы грамоты в очередной раз хотели показать избранному царю, что его поддерживают все сословия и что в Москве по-прежнему все важные решения принимаются коллективно, на соборе.

В рассматриваемой грамоте сообщалось о том, что в Москву пришло из Пскова сообщение о нападении на город шведов вме-

сте с их сторонниками, жителями Копорья и Яма, и сдаче им гдовцев. В тексте есть правка: в именах псковских воевод Ивана Федоровича Хованского и Никиты Дмитриевича Вельяминова вычеркнуты отчества. Это было сделано для придания им уничижительного характера. Есть правка и в самом сообщении: зачеркнуто, что новгородские и псковские пригородки сдались шведам и что гдовцы ходили со шведами подо Псков (л. 76а). Бояре, видимо, уточнили, что Ям и Копорье уже давно были захвачены шведами, Гдов же сдался недавно, но его жители не пошли подо Псков.

Далее в грамоте подробно сообщалось о том, какие войска были отправлены на помощь псковичам: отряды казачьих атаманов, которые находились около Бежецкого Верха и до этого воевали с поляками и литовцами в Поморье и около Белоозера (их должен был возглавить В. Оничков-Аничков); другой казачий отряд во главе с Г. Образцовым, который также был на Белом озере; 200 казаков из Москвы во главе с О. Петровым.

Во вставках в текст постоянно указывалось, что все делалось по государеву указу и что казаков приводили к крестному целованию новому царю. От имени Михаила Федоровича казакам было выдано жалование: атаманам по 10 руб., есаулам по 8 руб., казакам по 6 руб. (л. 77–78).

Как видим, и на этот раз временное правительство действовало самостоятельно, без какого-либо совета с царем, лишь ставя его в известность о предпринимаемых мерах по защите Пскова. Кроме того, оно отправило много казаков под Вязьму, Дорогобуж и Смоленск, поскольку там появились «литовские люди» (л. 79).

В данном случае бояре не предполагали, что царь изменит их решение или внесет в них свои коррективы. Казаки отправлялись по указам из Москвы, хотя это делалось от имени Михаила Федоровича, находившегося в пути.

20–21 марта датирована отписка царю Михаилу Федоровичу о присяге ему ратных людей Никонора Шульгина, казанского воеводы (л. 98–101). В грамоте подробно сообщалось о том, что все ратные люди из отряда Н. Шульгина, узнав об избрании Михаила Федоровича царем, тут же целовали ему крест. Об этом они написали в Москву 15 марта. Присяга этих людей была очень важна, поскольку Казань долгое время занимала выжидательную позицию, не присылала выборщиков на собор, не отвечала на грамоты из Москвы. Важно отметить, что отряд Шульгина был многонациональным. В него входили: головы, дворяне, дети боярские, князья и мурзы (татарские), новокрещенные служилые люди, татары,

сотники и стрельцы, чувашаи, черемисы, вотяки, мордва. Православные воины целовали крест и подписали крестоцеловальную запись, люди иных вер были «приведены к шерти» (л. 98).

Московские бояре повторно от имени Михаила Федоровича написали Н. Шульгину и приказали ему отправить 600 человек на Рязань к Миرونу Вельяминову, который сражался с Заруцким. При этом они пообещали от имени государя награду отличившимся воинам. Самому царю они отправили отписку Никонора Шульгина, крестоцеловальную запись казанцев и свою грамоту в качестве пояснения. Гонцами стали Ф. Чулков, И. Толстой, Т. Федосеев, Д. Черный, Я. Тимофеев (л. 101).

Таким образом, данная отписка вновь показывает, что 20–21 марта временное правительство продолжало действовать от имени царя. Михаил же в это время был в пути – 21 марта он вместе с матерью прибыл в Ярославль.

Грамота на Двину от 22 марта показывает, что первоначально жителей городов лишь оповещали об избрании Михаила Федоровича и только почти через месяц отправляли московских представителей для приведения населения к крестоцелованию. (Она была опубликована А.А. Зиминым по подлиннику.) Характерно, что даже 22 марта грамота писалась от участников Земского собора: «митрополита Кирилла, архиепископов, епископов, всего Освященного собора, бояр, окольничих, чашников, стольников, стряпчих, дворян московских, приказных людей, дворян из городов, детей боярских, и всяких людей, которые на Москве для царского обирания, и атаманов, казаков, стрельцов, всяких служилых людей, московских гостей, торговых и черных слобод и всего государства Московского всяких чинов людей». Значит, Земский собор продолжал действовать, ожидая приезда избранного государя²³.

Отсутствие ответных грамот с Двины заставило временное правительство отправить к воеводе Н.М. Пушкину и дьяку П. Григорьеву очень представительного человека – главу Земского приказа Л. Лодыженского. Он и должен был осуществлять процедуру крестоцелования. К грамоте, правда, не был приложен текст самой крестоцеловальной записи. Подписана она была дьяком А. Ивановым²⁴.

Чем закончилось крестоцелование двинцев, неизвестно. Не ясно также, сообщали ли об этом событии царю Михаилу Федоровичу. Грамоты об этом не сохранились.

В составе «Дела» находятся две схожие по содержанию грамоты царя Михаила Федоровича (л. 58–68) и Марфы Ивановны (л. 69–76) Земскому собору об их согласии принять оказанную

честь и прибытии в Ярославль. Данные грамоты были написаны в Ярославле, куда царь и его мать выехали из Костромы 19 марта и прибыли 21 марта. Весь путь занял 2 дня, несмотря на весеннюю распутицу (л. 58).

Сравнивая перечень чинов, к которым обращались царь и его мать, с перечнем чинов, которые были перечислены в грамотах от собора, можно заметить несколько изменений. В грамотах от собора гости и торговые люди перечислялись после сотников (л. 1), в царской грамоте они стояли после стрельцов (л. 58). Кроме того, в грамоте от собора нет упоминания о всяких жилецких людях, которое есть в царской грамоте. Они стоят сразу за торговыми людьми перед выборными из городов (л. 58).

Данные отличия могут свидетельствовать о том, что Михаил Федорович и Марфа Ивановна в то беспокойное время полагали, что значение атаманов, казаков и стрельцов выше, чем торговых людей. Кроме того, они хотели отметить и зависимое население: холопов, слуг, крепостных крестьян.

В грамотах Михаила и Марфы повествовалось о приезде к ним послов и повторялось содержание грамот от собора об обстоятельствах избрания нового царя, хотя при сравнении текстов обнаруживаются некоторые отличия. Так в грамоте от собора писалось, что польский король хотел Московское государство «к Полше и Литве в подданстве учинить» (л. 2). В грамоте Михаила эта фраза опущена. Нет в ней и фразы о том, что «бояр захватили в Москву сильно и держали за приставы» (л. 2). Марфа и Михаил в 1610–1612 гг. были в Москве и знали, что первоначально бояре сами согласились на ввод польского гарнизона и лишь некоторые из них были под стражей.

Еще одно отличие: в соборной грамоте Трубецкой был назван только по имени, в царской – и по отчеству (л. 60), Пожарский же остался без отчества. Кроме того, появилось имя и у гетмана Жолкевского – Станислав (л. 60). Данные изменения свидетельствуют о том, что Михаил и его мать учитывали знатность людей и оказывали им почтение.

В царской грамоте были опущены подробности о рассылке грамот и приезде в Москву выборных из разных мест. Опущены в ней и сведения о том, что главной причиной избрания Михаила стало его родство с царем Федором Ивановичем, а также желание членов Земского собора вернуть славные времена правления последнего представителя династии московских князей. Сокращено и повествование о том, сколько важным для всех было избрание нового царя, что все люди рады ему служить и готовы встретить по царскому чину (л. 3).

В царской грамоте при перечислении участников Костромского посольства по фамилиям названы только светские лица (л. 62). Этим подчеркивался светский характер самой грамоты.

Вторая часть грамоты Михаила Федоровича имеет много общего с грамотой Феодорита Земскому собору о согласии Михаила принять царский титул. (В ней, кстати, перечень чинов аналогичный). Но причины первоначального отказа будущего царя приведены разные: в грамоте Феодорита – «помышления на то нет, чтоб быть на таких великих государствах государем» (л. 31); в царской грамоте: «и в помышление не бывало, что на таких великих государствах быти государем... за многими мерами, да и потому, что мы еще не совершенных летех, а государство Московское ныне в разорении» (л. 63).

История прежних государей представлена одинаково. Правда, в царской грамоте отмечено, что Гришка Отрепьев назвался царевичем Дмитрием по умыслению польского короля (л. 64), в грамоте Феодорита это уточнение опущено.

В царской грамоте есть одно важное добавление в риторический вопрос: «Как быть на московском государстве прирожденному государю государем, *не токмо мне?*» (л. 64. Курсив мой. – Л.М.). В тексте грамоты Феодорита его нет. В итоге получалось, что Михаил себя не относил к «прирожденным государям», Феодорит же как бы подразумевал, что он им был.

В грамоте Михаила постоянно подчеркивалось, что сам он не имел ни малейшего желания быть царем и согласие он дал только под давлением послов и обстоятельств (л. 67). В других грамотах он будет постоянно это повторять, требуя от бояр точного выполнения своих требований. Это обстоятельство полностью снимало вопрос об ограничительной записи. Ведь если бы бояре попытались заговорить с Михаилом Федоровичем о том, что они хотят ограничить его власть, то он тут же бы отказался от престола. В свою очередь это разрушило бы хрупкий мир, установившийся между различными сословными и политическими группировками. Несомненно, что члены избирательного Земского собора это хорошо понимали и старались не сердить юного монарха.

В заключительной части царской грамоты сообщалось о прибытии в Ярославль и намерении вскоре отправиться в Москву. Кроме того, царь призывал представителей всех сословий не изменять крестному целованию, верно ему служить, воров царским именем не называть и им не служить, «и грабежей бы у вас и убивств на Москве и в городех, и по дорогам не было, и быти бы вам меж себя в соединении и в любви» (л. 68).

Последние фразы были особенно актуальны, поскольку по дорогам не прекращались грабежи и разбои со стороны атаманов и казаков, желавших получить плату за свою службу с прохожих и проезжавших.

Грамота Марфы имеет много сходства с грамотой Михаила, но есть и различия. Так, Михаил называл Кирилла «богомалец мой», Марфа же «великий господин преосвященный Кирилл» (л. 69). В грамоте Марфы отмечено, что Михаил был племянником царя Федора Ивановича и это стало главной причиной его избрания (л. 71).

У Марфы основными причинами отказа Михаила стать царем названы следующие: в мыслях не было думать о царстве; русские люди слялодушествовали и не прямо служили прежним государям (л. 72). Марфа также не считала своего сына прирожденным государем. Кроме того, она подробно остановилась на вопросе разорения страны, который был опущен в грамоте Михаила, но детально рассмотрен в грамоте Феодорита (л. 73). Несомненно, что оба письма писались одним и тем же дьяком, поскольку и почерк сходен, и бумага идентична.

Следует отметить, что версия событий Смутного времени, представленная в грамотах Марфы и Михаила, существенно отличалась от той, что была выдвинута в грамоте бояр королю Сигизмунду. Будущий царь и его мать полагали, что виной кровавого междоусобия и бесконечных перемен на престоле были сами русские люди, которые «слялодушествовали» и постоянно нарушали крестоцелование государям, желая видеть на троне все новых и новых кандидатов, наиболее выгодных для себя. Бояре, как это уже отмечалось, во всем винули Сигизмунда и его окружение, подготовивших и заславших в Россию нескольких самозванцев, а потом, нарушив все международные договоры, организовавших вторжение и захват русских территорий.

Несомненно, что в грамоте к Сигизмунду бояре стремились всячески себя обелить, Михаил же с Марфой открыто изобличали их в неверности, клятвопреступлении и разжигании Смуты.

Данный факт свидетельствует о том, что новый царь и его мать вовсе не собирались оказаться в подчинении у московской знати и даже были готовы к тому, чтобы настроить против нее широкие общественные слои. Ответная грамота царю Михаилу Федоровичу (л. 8–17 «Дела») показывает, что члены Земского собора были вынуждены согласиться с обвинениями в их адрес.

Основное содержание грамоты собора – пересказ содержания грамоты послов о том, что Михаил дал согласие на царство. Но есть и некоторые отличия. Например, в перечне чинов в собор-

ной грамоте нет чашников, жильцов, дворяне большие заменены дворянами московскими, выборные из городов заменены приезжими из городов, которые были в первых грамотах (л. 8). Причина этих изменений могла быть связана с тем, что состав Земского собора постепенно начал меняться: чашники (ими были ополченские воеводы) и жильцы разъехались по служебным делам, выборные от городов отправились по домам, поскольку свою задачу они выполнили.

В соборной грамоте были опущены аргументы Михаила при отказе от царства о том, что он молод, что государство разорено. Повторены были только два: «Московского государства многие люди по грехам измалодушествовались» и то, что из-за избрания Михаила Филарет может в Польше пострадать (л. 12). Этим авторы грамоты как бы подчеркивали, что считают несущественными ни молодость государя, ни его уверения, что он недостоин престола столь великого государства, ни то, что страна находится в плачевном состоянии.

В грамоте подробно описано, с каким почтением была встречена в Москве посольская грамота, отправленная из Костромы с Иваном Васильевым сыном Усовым (его имя повторено в ответной грамоте несколько раз). Члены собора не только прочли ее сами, но и собрали в Успенском соборе москвичей «от мала и до велика» и публично ее зачитали. После этого все воздали хвалу Богу и новому государю и по всем церквям пели ему многолетие со звоном и просили Бога дать царю здоровье и победу над всеми врагами. В заключение авторы грамоты настоятельно просили Михаила и Марфу поскорее ехать в столицу (л. 15–17).

В грамоте есть правка, но она не слишком существенна. Так, в начальной части вычеркнуты фразы о том, что все обращались к Михаилу со слезами (л. 8), вставки о «многослезном рыдании» были сделаны в ту часть, которая повествовала о Костромском посольстве (л. 12–13). В титул Марфы в нескольких местах вставлено «инока». Это было, видимо, сделано не случайно, а для того, чтобы подчеркнуть, что мать царя не должна была вмешиваться в управление государством, а обязана была удалиться в монастырь. Бояре даже приготовили для нее келью в Вознесенском монастыре, несмотря на настоятельные просьбы Михаила посетить ее в царском дворце.

Вполне вероятно, что члены Костромского посольства известили московских бояр о том, что Марфа Ивановна имела большое влияние на сына. (Это было неудивительно, поскольку Михаил был молод и в очень трудное время своего возмужания оказался на попечении только матери), но те не захотели мириться с воз-

можным женским засилием в Кремле и стали предпринимать все возможное, чтобы отдалить мать от Михаила. Возможно, что на какое-то время им это удалось сделать.

Ответную грамоту бояре отправили не только царю, но и Федориту с членами Костромского посольства (л. 18–27). Содержание этой грамоты в основном повторяет грамоту к Михаилу. В ней даже учтена правка этой грамоты. Странным кажется лишь искажение даты встречи Михаила с членами Костромского посольства. В этой грамоте – 19 марта (л. 19), тогда как в грамоте к царю правильно указано 14 марта.

В заключительной части грамоты идут вставки и исправления, касающиеся маршрута поездки Михаила к Москве. Сначала, видимо, грамота писалась до того, как стало известно, что Михаил прибыл в Ярославль, поэтому содержалась просьба сообщить о дате его отбытия из Костромы и прибытия в Ярославль. Потом это было зачеркнуто и вставлена просьба сообщить о дате отъезда из Ярославля в Ростов, потом – из Ростова в Переславль, затем – из Переславля к Троице и, наконец, к Москве. Послам следовало сообщить дату въезда в столицу (л. 27).

Данная грамота показывает, что временное московское правительство было очень заинтересовано в скорейшем прибытии нового царя в Москву, поскольку опасалось, что король Сигизмунд может предпринять новый поход для уничтожения соперника сына. В дороге Михаил был более уязвим, чем за крепкими кремлевскими стенами. К тому же в столице все еще стояли ополченские рати.

Однако медленное продвижение царя свидетельствовало о том, что ополченцев он боялся не меньше, чем внешних врагов. Ведь без собственного окружения он мог стать заложником чужой воли, в первую очередь, Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского.

Ответ на грамоты Михаила Федоровича и Марфы Ивановны от 23 марта Земским собором был написан после 26 марта, поскольку именно тогда, через три дня после отправки, царские грамоты уже были в Москве (л. 47–52, 53–57).

Грамота царю содержит небольшую правку, не имеющую существенного смыслового значения: небольшие пропуски слов, уточнения и т.д. Основное содержание грамоты – ответ на царскую грамоту, но уже по прошествии времени. Поэтому перечень участников Земского собора не аналогичен тому, что содержится в царской грамоте, а схож с тем, что дан в грамоте царю от 23 марта: в нем нет чашников, жильцов, выборных от городов и т.д. Члены Земского собора извещали Михаила Федоровича о том, что 26 марта они получили его грамоту, присланную со

стольником И.Ф. Троекуровым (родственником М.Ф. Романова). Вновь они повторили, что отправили к нему посольство и перечислили главных его членов (в грамоте от 23 марта были названы только Феодорит и Шереметев). Возможно, полным перечнем членов посольства бояре хотели подчеркнуть, что около Михаила собралось много представительных людей всех сословий, при этом «московских гостей, черных людей и изо всех городов выборных всяких людей» они поместили выше атаманов, казаков и стрельцов (л. 48). Это указывало, что на соборе светские люди играли большее значение, чем военные. Михаила как бы пытались исподволь убедить в том, что в стране хозяйничают не атаманы и казаки, а представители духовенства, бояре, члены бывшего царского двора и представители городов.

Интересно отметить, что в данной грамоте появляется новый титул Марфы Ивановны. В грамоте от 23 февраля ее именовали «великая государыня старица инока Марфа». В грамоте от 26 марта ее именовали «государыня наша великая старица инока» (л. 48). Несомненно, что новый титул принижал Марфу Ивановну, поскольку в нем эпитет «великая» относился не к государыне, а к старице, т.е. к монашескому званию. Новым моментом в этой грамоте было и то, что среди пришедших к Михаилу людей были названы гости и торговые люди городов Костромы и Ярославля, а также посадские и уездные люди из иных мест (л. 49). Этим опять же подчеркивалось, что окружение молодого царя становилось все многочисленнее и увеличивалось за счет представителей различных городов, а не только Москвы.

В данной грамоте уже не назывались причины отказа Михаила, а просто без всяких пояснений писалось, что он не хотел быть царем, поэтому членам Костромского посольства пришлось умолять его с 3 до 9 часов дня. Если в предыдущих грамотах указывалось, что на Марфу Ивановну повлияли слова Феодорита и Шереметева о том, что их отказ вызовет новое кровопролитие в стране, то в данной грамоте отмечено, что согласие было получено «для пречистые Богородицы образа и для великих чудотворцев московских» (л. 50).

В заключительной части грамоты сообщено о том, что по государеву указу стольник Троекуров в Успенском соборе говорил всем речь от царского имени и после государева жалованного слова все с радостными слезами воздали хвалу Богу. Кроме того, в ней вновь содержится напоминание о том, что Михаилу Федоровичу и Марфе Ивановне следует поскорее ехать в Москву.

На обороте грамоты есть помета: «Такова грамота послана с лихвинцем Федором Стромиловым» (л. 47 об.).

В грамоте к Марфе Ивановне от того же 26 марта существенно больше исправлений, и все они касаются титулатуры. На л. 52 в обращении к Марфе вычеркнуто слово «великая» перед словом «государыня». На л. 54 в обращении к Марфе после слова «государыня» вычеркнуто слово «наша», а ниже – слово «великая» перед «государыней». Аналогичная правка есть и на л. 55 и 56, хотя в некоторых случаях после слова «государыня» сохраняется слово «наша».

В остальном содержании грамоты к Марфе Ивановне сходно с содержанием грамоты к Михаилу Федоровичу от того же числа.

Правка грамоты к Марфе Ивановне опять же свидетельствовала о том, что бояре, входившие во временное правительство, стремились к тому, чтобы отстранить мать государя от власти и не давать ей официального права вмешиваться в государственные дела. Поэтому великим государем назван только Михаил Федорович, его мать – великая только среди стариц и отнюдь не государыня для бояр и членов двора.

Неизвестно, заметила ли Марфа Ивановна эти тонкости, но на этом ее переписка с Земским собором и временным правительством прекратилась. Однако на сына она продолжала оказывать большое влияние не только лично, но и через своих племянников Б.М. Салтыкова и М.М. Салтыкова, вошедших в ближнее окружение молодого царя.

Следует отметить, что братья Салтыковы вместе со своей матерью, вдовой окольного М.М. Салтыкова, находились в Костроме при Марфе и Михаиле и потом вместе с ними двинулись к столице. Поэтому именно они стали первыми членами двора нового монарха. Воспротивиться этому московские бояре не смогли.

Члены Земского собора были вынуждены ответить Михаилу Федоровичу не в одной, а в двух грамотах, поскольку часть пожеланий царя была передана устно посланником И.Ф. Троекуровым. Вторая грамота в черновом варианте находится в составе «Дела» на л. 82–86.

Правка данной грамоты свидетельствует о том, что ей постарались придать максимально деловой характер, поэтому повторы из предыдущих грамот о том, что все были очень рады согласию Михаилу Федоровича стать царем, были вычеркнуты (конец л. 82 и текст на л. 83). В сокращенном виде представлен и состав Земского собора во вступительной части (л. 82).

Основное содержание грамоты – ответы на вопросы и просьбы царя, касающиеся царского обихода, порядка на дорогах и имущества. Относительно раздачи дворцовых сел и земель на л. 84 сделана вставка о челобитье стольников, дворян и детей боярских

о том, чтобы вернуть в казну розданные им царские земли и что в скором времени они будут у них отписаны. Поэтому царю челобитчиков по этому вопросу принимать не следует.

В тексте, касающемся сбора запасов, т.е. продовольствия, для царского двора, содержится большая правка. Она связана была с тем, что авторы грамоты не хотели сообщать царю о том, что сборщики были отправлены Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским. Первоначально было написано так: «Мы, холопи твои Дмитрий Трубетцкой да Дмитрий Пожарской, в теи до нас послали сборщиков наперед сего» (л. 84–85). Но этот текст был вычеркнут и вставлено: «для твоих государевых обиходов послали сборщиков и до нас, холопом твоим, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да стольник Дмитрий Пожарской да о твоих государевых обиходах Кирила митрополита Ростовского и Ярославского и после того от нас, богомольцев, по совету всего Освященного собору и по совету всей земли» (л. 84–85).

В новом тексте сообщалось, что, хотя сначала сборщики и были отправлены руководителями ополчений, но потом Земский собор, по совету всей земли, отправил сборщиков от своего имени. Опять же правка была сделана для того, чтобы убедить царя в том, что Трубецкой и Пожарский были отстранены от управления страной и что вся власть находится у членов Земского собора.

Относительно грабежей авторы грамоты ответили, что ведут решительную борьбу с татями и разбойниками – их сыскивают и судят. По поводу отъезда из Москвы дворян и детей боярских они ответили, что никого не отпускали. Официально отбыли только те, кто отправился в челобитчиках к Михаилу Федоровичу, на службу или на воеводство. Самовольно же разъехавшиеся будут вновь собраны (л. 85).

В итоге авторы грамоты были вынуждены составить подробный поименный отчет о том, кто и куда послан и какие запасы есть в государевых житницах (л. 86). Но до нас этот текст не дошел.

Данная грамота показывает, что еще до приезда в Москву Михаил Федорович хотел иметь полное представление о том, каково состояние царского имущества, все ли готово во дворце к его приезду, чем заняты служилые люди и т.д. Понимая, что ему одному не справиться с множеством сложных проблем, он хотел, чтобы Земский собор решил их коллективно, сообщая, с помощью членов двора и представителей городов. Зная, что обстановка в стране все еще напряженная, он требовал, чтобы временное правительство навело на дорогах порядок и повело решительную борьбу с ворами и разбойниками. Ведь ему самому это было сде-

лать много сложнее при отсутствии денег в казне и возможности заплатить за службу воинским людям.

В будущем опора на постоянно действующий Земский собор станет основой внутренней политики молодого царя. Это окажется очень продуктивным и довольно скоро принесет ощутимые положительные результаты: территория государства будет очищена от интервентов и разбойничающих казаков, границы восстановлены почти в прежнем виде, казна наполнится, разрушенные города и крепости будут восстановлены и т.д.

Анализ переписки Михаила Федоровича с Земским собором показывает, что царские грамоты достигали столицы буквально за два–три дня. При желании царь и его мать могли бы добраться туда столь же быстро, однако они продолжали находиться в Ярославле. В итоге в стране создалось как бы двоевластие с двумя управленческими центрами. Первый – московское правительство от имени Михаила Федоровича рассылало царские указы, отправляло на службу дворян и приказных людей, второй – сам царь Михаил Федорович, который уже от своего имени делал то же самое. Для некоторых служилых людей такая ситуация казалась странной, и они, судя по некоторым грамотам, решили не подчиняться московскому правительству и отправились в Ярославль.

Так, в грамоте от 30 марта (л. 90–91) члены временного правительства были вынуждены сообщать царю о том, что отправленные ими в города подьячие сбежали и отправились к царю в Ярославль.

Следует отметить, что первоначально подьячие были отправлены 15 марта: Иван Ватута Алексеев с дворянином Иваном Шпешевым в Белгород, Григорий Ефимьев с дворянином Василием Зиновьевым в Брянск для приведения жителей этих городов к присяге новому царю. Но к 30 марта бояре узнали, что в города отправились только дворяне, а подьячие «богомольцов и холопей государевых не послушали» и с Москвы убежали в Ярославль (л. 90–91). Фразу о том, что подьячие не послушали членов Земского собора, авторы грамоты вычеркнули, видимо, чтобы у царя не возникла мысль, что они действовали от собственного имени. Кроме того, из грамоты были вычеркнуты фразы о том, что бояре распорядились отписать на государево имя поместья и московские дворы у подьячих, чтобы «вперед иным неповадно было так воровать». Это также могло быть расценено как самоуправство временного правительства. Из вставки становится известно, что бояре решились лишь на то, чтобы написать ярославским воеводам И. Хованскому и С. Головину о том, чтобы те поймали беглецов и посадили в тюрьму «до твоего государева указу» (л. 91).

Данная грамота показывает, что отношения временного правительства с новым царем складывались не так уж просто. Бояре, видимо, уже поняли, что Михаил Федорович крайне болезненно относился к самоуправству с их стороны, поэтому становились все более осторожными в своих действиях.

К рассмотренной выше грамоте примыкает грамота ярославским воеводам о сыске убежавших подьячих (л. 88–89). Правка в грамоте показывает, что первоначально планировалось написать от имени царя Михаила Федоровича. Но потом «От царя...» было вычеркнуто, поскольку Михаил Федорович сам находился в Ярославле. Во вставке на обороте было написано: «Кирил митрополит Ростовский и Ярославский и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор, и бояре, и околниче, и всяких чинов люди челом бьют» (л. 88 об.). Остальная правка состоит в переделке обращения от имени царя в обращение от имени собора: слово «указ» заменено на «приговор», слова «наш», «нам» вычеркнуты и т.д. (л. 88–89).

Данная грамота опять же показывает, что двоевластие создавало много сложностей и что к концу марта временное правительство стало остерегаться писать от имени царя Михаила Федоровича.

Несомненно, временное правительство было обеспокоено тем, что Михаил Федорович не торопился в Москву. Поэтому 1 апреля была отправлена грамота Ф.И. Шереметеву с просьбой сообщить дату царского приезда и подробно расписать, как встречать его (л. 92–94).

Следует отметить, что Шереметеву писали не все члены Земского собора, а лишь временное правительство, состоящее из митрополита Кирилла, освященного собора, бояр, окольных и думных людей, т.е. членов Боярской думы. Так значит в его заглавии.

Несомненно, что уже давно существовал церемониал, по которому следовало москвичам встречать своего государя, но члены временного правительства опасались, что обычная процедура может вызвать недовольство у Михаила Федоровича. Данный вывод возникает из анализа правки грамоты. Так во фразу: «иво государев приход к Москве будет» перед словом «приход» вставлено «подвиг из Ярославля» (л. 92). Во вставках содержатся просьбы указать, где царь велит себя встречать, где боярам стоять, кому из них быть на встрече (л. 93).

Интересно отметить, что в тексте были вычеркнуты такие фразы: «оружие с собою им иметь ли?» и «чем государю челом ударить?» (л. 94). Почему они были вычеркнуты, приходится

только строить различные предположения. Возможно, оружие не могло быть предметом обсуждения, поскольку было обязательным атрибутом воинского человека во время парада, но раз он возник, значит, было мнение, что царю может не понравится встречающее его вооруженное воинство бывших ополченцев.

Сложным был, видимо, и вопрос «чем челом ударить», поскольку особо ценных вещей ни у кого не было. Но может быть, «челом ударяли» какими-то традиционными вещами, соболями, дорогой посудой и т.д., поэтому сам вопрос был неуместен.

Рассылка московским правительством от имени Михаила Федоровича грамот по стране привела к тому, что городовые воеводы в ответе на них также писали на имя Михаила в Москву. Об этом свидетельствует грамота осташковского воеводы Г. Одадунова от 2 апреля. В состав «Дела» она не вошла и была опубликована по подлиннику в «Актах времени междуцарствия»²⁵.

В данной грамоте сообщалось, что Г. Одадунов 22 марта получил из Москвы царскую грамоту о том, что ему следует разыскать родственника Ф. Андронова Б. Исакова и его сестру, обыскать их, все имущество переписать, Б. Исакова отправить в Москву, а сестру Андронова взять под стражу. Воевода выполнил указание и об этом сообщил в ответной грамоте на имя царя.

Обыски родственников Андронова были связаны с подозрением, что бывший казначей «Семибоярщины» разворовал царскую казну и часть ценных вещей отдал сестре, двоюродным братьям и т.д. Однако при обыске в Осташкове ничего не нашли.

На имя царя Михаила Федоровича в Москву была прислана и грамота зарайского воеводы А. Гагарина от начала апреля (л. 111 «Дела»). В данной грамоте сообщалось о том, что в Зарайск прибыли михайловские казаки с сообщением о том, что жители Михайлова арестовали назначенных у них Заруцким воеводу и воинских людей. У А. Гагарина они попросили совет и военную помощь на случай, если Заруцкий отправит против них войско.

В свою очередь князь Гагарин тут же послал в Михайлов своего родственника Г. Гагарина с сотнями, михайловских казаков «для веры» оставил у себя, сам написал грамоту в Москву обо всем и к ней подклеил отписку михайловцев (л. 111).

Данная грамота показывает, что борьба с Заруцким расценивалась многими воеводами как общее дело. Князь Гагарин не стал ждать указаний из Москвы по поводу помощи михайловцам и по собственной инициативе отправил им подмогу. (Следует отметить, что во времена царя Бориса Годунова это было невозможно – необходим был указ из столицы.)

Припись под грамотой свидетельствует о том, что временное правительство с одобрением отнеслось к действиям князя и дало указание «воеводе писать с похвалою от имени государя». Были награждены посланцы, привезшие хорошую весть: сын боярский получил 6 руб., казак – 5 руб., гонец – 1 руб. Кроме того, из приписи известно, что обо всем было решено написать царю и воеводам в Белев и Калугу (л. 111).

Вполне вероятно, что борьба с Заруцким была в то время очень актуальной, поэтому и Гагарин, и члены временного правительства решились действовать быстро и самостоятельно, без длительной переписки с царем, которая практиковалась во времена Годунова.

К рассмотренной выше грамоте примыкает грамота жителей Михайлова к зарайскому воеводе А.Ф. Гагарину. (Именно ее он подклеил к своей грамоте в Москву.) Подлинник ее находится в составе «Дела» на л. 112. Грамота михайловцев сообщала воеводе Гагарину о том, что они восстали против гарнизона Заруцкого и просят дать им добрый совет и оказать военную помощь. Вполне вероятно, что михайловцы знали о воцарении Михаила Федоровича, но о своем поступке они не решились написать сразу в столицу. Они попросили совета у воевод близлежащих городов: Зарайска и Переяславля-Рязанского. Возможно, они еще не были уверены в прочности центральной власти и хотели лишь объединиться с соседями, чтобы противостоять Заруцкому, который, хотя и привел их к крестному целованию сыну Марины Мнишек Ивану, но сам весь город опустошил и ограбил его жителей.

Из грамоты михайловцев можно судить о том, каким был состав служилых людей в этом городе: дворяне, головы, казаки, пушкарки, затинщики, плотники, ямской слободы охотники (т.е. ямщики) и всякие служилые и жилецкие люди. Вполне вероятно, что это был типичный небольшой городок-крепость, стоящий на важной транспортной магистрали.

Сходен был состав служилых людей и в Зарайске: дворяне, дети боярские, стрельцы, пушкарки, затинщики и всякие служилые и жилецкие люди. Правда, в нем не было казаков, плотников и ямских охотников, зато были дети боярские и стрельцы. Поэтому гарнизон этого города был, видимо, мощнее и многочисленнее. К тому же его воеводой был посланный ополченцами достаточно известный князь.

Грамота михайловцев показывала, что в первые месяцы после воцарения Михаила Федоровича в небольших городках было сложное положение и их жители больше рассчитывали не на центр, а на помощь соседей.

К рассмотренным выше грамотам примыкают еще две грамоты: царю Михаилу Федоровичу от Земского собора, датируемая 5 апреля (л. 113–113 об.), и царю Михаилу Федоровичу от воеводы Мирона Вельяминова, датируемая 9 апреля (л. 108–109).

В первой грамоте члены Земского собора извещали царя Михаила Федоровича о том, что получили на его имя грамоту от зарайского воеводы А. Гагарина о приезде к нему семи михайловских казаков с известием о присяге жителей Михайлова и аресте ими воеводы, поставленного Заруцким.

Следует отметить, что в грамоте, присланной михайловцами, ничего не говорилось о присяге царю Михаилу Федоровичу. Возможно, по инициативе князя Гагарина это сделали их посланцы-казаки. Сам зарайский воевода писал, что «михайловцы добились челом и вины свои принесли», но о присяге он также не писал. В грамоте же царю фраза о битье челом и винах была вычеркнута. Сообщая о крестоцеловании, бояре, возможно, интерпретировали события по-своему, чтобы иметь возможность обрадовать царя и объяснить причину выплаты столь щедрого жалования зарайским посланцам.

Первоначально в конце грамоты сообщалось, что три михайловских гонца, Василий Павлов, Матюшка Алымов и еще один казак, были отправлены к государю (л. 113 об.), но потом эта фраза была вычеркнута, видимо, потому что михайловцев к царю не отправили.

Во второй грамоте от Мирона Вельяминова сообщалось, что он 1 апреля отправил в Москву к государю михайловцев Федора Чевкина с товарищами. Федор прославился тем, что убил сторонника Заруцкого казака Петрушку и поэтому заслуживает награду.

Мирон Вельяминов был рязанским воеводой и, судя по всему, отправился в Михайлов по просьбе его жителей. Выше отмечалось, что они писали не только в Зарайск, но и в Переяславль-Рязанский. Возможно, Мирон не стал оповещать московское правительство о своих действиях, а сразу поспешил выполнить просьбу соседей. На месте он выяснил обстановку и решил, что отличившиеся михайловцы заслуживают награду, поэтому и отправил их в столицу.

На обороте грамоты был не только адрес, но и дьяческая помета о том, что следует отписать в Тулу, в Крапивну, в Одоев и на Каширу. Всем следовало идти на Заруцкого. На Коломну нужно было отправить сборщика для сбора воинских людей. Каширянам следовало написать о том, что при появлении в их местности Заруцкого они должны были послать в Москву двух посыльных, приведя тех предварительно ко кресту, чтобы не было измены.

Кроме того, всем следовало отписать о том, что государь пожалует за службу и «они бы были надежны» (л. 108 об.).

Грамота М. Вельяминова и приписка на ее обороте свидетельствовали о том, что не только временное московское правительство было готово действовать самостоятельно в случае военной опасности, но и городские воеводы обходились без подсказки из центра. Таким был один из главных положительных уроков Смуты.

В ходе многолетних боев русские люди научились сами защищать свои города и земли, быстро ссылаться друг с другом, сообщать правильное решение и общими усилиями громить врагов. Городские воеводы освоили практику не только общения с центром, столичным правительством, но и друг с другом. Взаимопомощь и взаимовыручка стали нормой взаимоотношений между многими воеводами, особенно в приграничных городках-крепостях.

Интересную особенность имеет царская грамота от 4 апреля по поводу расследования обстоятельств бегства Ф. Андропова²⁶. В ней Михаил обращался не к митрополиту Кириллу и членам Земского собора, а к боярам и Ф.И. Мстиславскому с товарищами, которые представляли собой временное правительство. Значит, с согласия царя или по его просьбе руководители ополчений сложили с себя все полномочия, Д.Т. Трубецкой уже не считался правителем и передал власть временному правительству во главе с Ф.И. Мстиславским.

Данный факт опять же говорит о том, что молодой царь относился с большой подозрительностью к ополченческим воеводам и предпочел опереться на прежнюю Боярскую думу во главе с ее прежним лидером. Значит, избрание Михаила Федоровича привело к тому, что временное ополченческое правительство «Совет всей земли» перестало существовать, Трубецкой и Пожарский, главные инициаторы созыва избирательного Земского собора, были отстранены от власти, которая вернулась в руки прежних бояр.

Этот вывод, на мой взгляд, окончательно развеивает миф о том, что М.Ф. Романов был казачьим ставленником. На самом деле он был всеобщим избранником, поскольку приходился наиболее близким родственником угасшей династии, к временам правления которой хотела вернуться большая часть населения Русского государства.

Рассматриваемая грамота интересна еще и тем, что в ней Михаил Федорович выговорил боярам за то, что они недостаточно тщательно провели допросы Григория Фонарника, поддерживав-

шего связи с арестованным Ф. Андроновым, и не выяснили имена всех сообщников главного расхитителя царской казны. Царь требовал, чтобы следствие было продолжено и сам он был оповещен о его результатах. Грамота была написана 29 марта и получена 4 апреля²⁷.

Она свидетельствовала о том, что Михаил Федорович вовсе не собирался быть в подчиненном положении у московских бояр и довольствоваться той информацией, которую они ему сообщали. В каждом деле он стремился разобраться сам и получить от подчиненных максимально четкие ответы на свои вопросы.

Другая царская грамота, от 8 апреля (л. 145–150 «Дела»), показывает, что, хотя многие текущие вопросы решало боярское временное правительство, Земский собор во главе с митрополитом Кириллом продолжал существовать. В этой грамоте царь вновь обращается к членам Земского собора с полным перечнем всех чинов. Основное ее содержание касается скорейшего его приезда в Москву.

Отвечая на просьбу членов Земского собора, Михаил Федорович подробно остановился на вопросе дворцовых продовольственных запасов и состояния казны. Получив подробную роспись своего будущего имущества, он пришел к неутешительному выводу о том, что «всяких запасов во дворце мало» и их не хватит ни на царский обиход, ни на приезд, который следовало отпраздновать достаточно пышно (л. 145). Царю было известно, что сборщики продовольствия еще не прибыли, денег ни в приказах, ни в казне нет. Кроме того, он знал, что государство до того разорено, что продовольствие и деньги на жалование служилым людям собирать буквально не с кого (л. 146).

Михаил был обеспокоен тем, что к нему постоянно бьют челом атаманы и казаки и просят денежное жалование, продовольствие и корм для лошадей. Но дать им он ничего не мог, поскольку у самого ничего не было (л. 147). В итоге он потребовал, чтобы Земский собор обсудил этот вопрос и дал ответ: чем ему всяких ратных людей жаловать, чем кормить и поить бедных служилых людей? (л. 148).

Данная грамота показывает, что Михаил Федорович был хорошо осведомлен о положении в стране. Не случайно он стремился обеспечить всем необходимым именно ратных людей, поскольку знал, что поляки и шведы готовятся к новому нападению: «А по вестям, что пишут из городов, чаем литовских и немецких людей под свои города приходов вскоре, а под Торопцом ныне литовские люди стоят, и Торопцу ниоткуда помощи нету» (л. 149).

Несомненно, что городские воеводы писали не только в Москву, но и в Ярославль, узнав, что именно там находится царь. Но пока Михаил не мог им помочь, поскольку не имел в своем распоряжении воинских сил. Он мог лишь требовать от московского правительства выполнения своих распоряжений.

Рассматриваемая грамота показывает, что перед Михаилом встала задача не только материального обеспечения ратных людей, но и справедливой раздачей поместий. Многие дворяне стали бить ему челом о том, что московское правительство «без сыску» отнимает поместья и отдает их другим людям. В частности, стольник В. Татищев, входивший в Костромское посольство, узнал, что бояре отдали его поместье Г. Измайлову. Данный факт возмутил царя, и он приказал членам временного правительства «до нашего указа» не отнимать ни поместий, ни вотчин (л. 150). В итоге бояре лишились возможности самовольно распоряжаться государственным земельным фондом.

Как видим, Михаил Федорович достаточно умело приступил к руководству страной: те вопросы и дела, которые он не мог решить сам (сбор продовольствия и денег с разоренной страны), он поручил членам Земского собора; менее трудные, но не менее важные дела (раздача поместий), он поспешил взять в свои руки.

Обращение царя к Ф.И. Мстиславскому в грамоте от 4 апреля по поводу допросов Г. Фонарика дало возможность последнему писать грамоты от своего имени. Об этом свидетельствует отписка царю от 10 апреля (л. 114).

Отправители назвали себя так: «богомольцы твои государевы Кирил митрополит Ростовский и Ярославский, и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор, и холопы твои (вставлено сверху: Федорец Мстиславской с товарищи) (зачеркнуто: бояре и окольные и думные люди)» (л. 114). Как видим, во вставке внесено уничижительное имя Мстиславского, перечень же думных людей вычеркнут.

Данные исправления свидетельствуют, что приблизительно с 10 апреля Мстиславский, по договоренности с царем Михаилом Федоровичем, официально становится главой временного правительства.

В отписке сообщалось, что 7 апреля с Рязани от Мирона Вельяминова прибыл сеунщик с сообщением о том, что жители Рязанской и слободы около Печерников (Печерского монастыря) целовали крест новому царю. Бояре отправили к Михаилу Федоровичу отписку и самого сеунщика П. Кобякова, предварительно наградив его 10 рублями (л. 114).

Содержание отписки показывает, что сообщения о присяге жителей разных городов были очень важны для Михаила Федоровича, ведь они свидетельствовали о готовности русских людей ему служить. Кроме того, присяга рязцев была особенно ценна тем, что их город находился в районе, где пытался хозяйничать Заруцкий.

В следующей грамоте, от 11 апреля, Ф.И. Мстиславский рискнул уже написать только от себя, не упоминая Кирилла (л. 115). Содержание этой грамоты очень важно, поскольку свидетельствует о том, что в апреле Михаил Федорович начал брать управление страной в свои руки, не ставя в известность о своих действиях московских бояр.

К моменту написания грамоты, 11 апреля, Мстиславский узнал, что во многих городах, куда бояре только собирались отправить воевод, уже есть воеводы, назначенные царем. То же самое оказалось и со сборщиками продовольствия для казаков. Хотя царь и попросил Земский собор обсудить вопрос о государственной казне и продовольственных запасах, но дожидаться его решений не стал и от своего имени отправил в дворцовые и монастырские села сборщиков. Этим он показал боярам и челобитчикам, что способен сам решать встающие перед ним проблемы.

В итоге Мстиславский с боярами был вынужден просить Михаила Федоровича сообщить им о том, в какие города уже отпущены воеводы и куда отправлены сборщики, чтобы не было дублирования.

Анализ содержания данной грамоты показывает, что ни о каком подчинении Михаила боярам не могло быть и речи. Уже в первые месяцы правления новый царь начал брать бразды управления государством в свои руки. Характерно, что это он стал делать в Ярославле, куда начали стекаться люди, желающие ему служить.

Несколько грамот, датированных первой половиной апреля, свидетельствовали, что в приграничных районах Российского государства было в то время очень беспокойно и временное правительство во главе с Мстиславским было вынуждено предпринимать меры по борьбе с интервентами.

Грамота Мстиславского, отправленная царю после 11 апреля (л. 120–121), показывала, что в районе Рыльска была сложная ситуация и поэтому городской воевода П. Воейков просил о помощи. Характерно, что Воейков извещал московское правительство еще 18 марта о том, что он отправился под Путивль, чтобы очистить этот город от польских и литовских людей. Сделал он это по собственной инициативе, используя помощь черниговцев,

рылян и путивльцев, недовольных польским засилием (л. 120). Об этой грамоте П. Воейкова бояре, судя по всему, царя Михаила не извещали.

Через некоторое время Воейков обнаружил, что собственных сил у него не хватит, чтобы очистить Путивль, и попросил помощь из столицы. Бояре откликнулись и отправили к нему князя Д. Долгорукого, который должен был соединиться с князем Т. Мещерским и дворянами и детьми боярскими из Карачева, Орла, Мценска, Болхова, Новосила, Черни, Курска, Кром, Стародуба, Почепа, Чернигова, Рыльска и Путивля, которые были в Рыльске. Кроме того, из Брянска и Новгорода Северского к ним должны были прийти головы с сотнями. Все вместе они должны были очистить Северскую землю (л. 121).

Интересно отметить, что заключительная фраза грамоты о том, что бояре будут извещать государя обо всех событиях в северских городах, вычеркнута. То ли бояре были и так обязаны ставить царя в известность о столь важных событиях, то ли наоборот, в будущем они не собирались ни о чем писать, если царь их об этом не попросит.

Следующая грамота от 11 апреля свидетельствовала о том, что шведы готовились к захвату западных и северных русских земель²⁸. Эта грамота была написана в Ярославле от имени царя Михаила Федоровича белозерскому воеводе С. Чепчугову. Она извещала его о возможном нападении на город и на Кириллов монастырь шведов. Эти вести были получены царем от воевод Устюжны Железопольской А. Сицкого, П. Загряжского и В. Тимофеева. Те в свою очередь узнали об этом еще 17 марта от посланцев Новгородского митрополита Исидора (сотрудничая со шведами, тот все же стремился оповещать русских людей об опасности с их стороны). Согласно вестям, Делгарди отправил для разведки по русским городам «прикормленных» им дворян, сам же решил напасть на Псков, район Онежского озера, Белоозеро, Кириллов и Устюжну.

В царской грамоте указывалось, что С.Н. Чепчугов должен был подготовить город к возможному нападению шведов, вести разведку, указать воинским людям их участки в обороне города, оповестить об опасности сельских жителей и помочь им вовремя укрыться за городскими стенами. Кроме того, следовало ловить лазутчиков и обещать каждому пойманному их щедрую награду от государя. Всех пойманных с приставом полагалось отсылать в Москву для разбирательства и допроса. Воеводам рекомендовалось как можно чаще сообщать о разных вестях царю и в соседние города²⁹.

Данная грамота показывает, что в Ярославле царь Михаил Федорович старался контролировать ситуацию в северо-западных районах. Воеводы северных городов вели с ним переписку и сообщали о враждебных действиях шведов. В ответ царь давал им необходимые рекомендации по обороне городов и вселял в них уверенность в том, что в случае опасности они не останутся без помощи центра.

Из пометы на обороте известно, что на Белоозере данная грамота была получена 23 апреля.

Еще одна аналогичная грамота была отправлена Ф.И. Мстиславским 12 апреля царю Михаилу Федоровичу (л. 118–119 «Дела»). В ней сообщалось о нападении ногайцев на арзамасские места.

Мстиславский писал, что еще 22 марта в Арзамасе стало известно от Г. Хлопова и Ф. Старосетского о том, что ногайцы перешли Волгу и Медведицу и расположились частично в степи, частично у Пужской засеки. Поскольку воевод в Арзамасе не было, то боярам пришлось отправить туда сборщиков для сбора и росписи воинских людей. Первоначально планировалось половину воинов отправить к засекам, потом этот текст был вычеркнут и вставлено: «на Михайлов к воеводам». Вторая половина должна была остаться в Арзамасе. К засекам же следовало отправить опытного дворянина, чтобы их укрепить.

Вновь Мстиславский был вынужден написать царю о том, что не смеет без его указа посылать по городам воевод, поскольку тот сам их назначал (л. 119).

Данная грамота не только показывает, что в апреле стране грозила опасность и с юго-востока, но и свидетельствует, что к этому времени назначение городских воевод окончательно стало прерогативой царя Михаила Федоровича. Временное правительство осмеливалось лишь давать отдельные указания воинским людям по обороне границ.

Еще одна апрельская грамота временного правительства во главе с Мстиславским показывает, что борьба с Заруцким все еще была одной из важнейших задач. В грамоте от 13 апреля сообщалось о сложной ситуации у Каширы и отправке против Заруцкого воевод с войсками (л. 125–127).

Из анализа этой грамоты можно сделать вывод, что воеводы южных городов писали на имя царя в Москву, а бояре от имени царя им отвечали, оповещая его самого о своих действиях. Так, 10 апреля они получили от каширского воеводы Г. Волконского грамоту о том, что к нему в город с Епифани прибыли от Заруцкого И. Толстой и атаман Матерый с известием о том, что вме-

сте с ними сбежало человек 200 детей боярских и казаков, которые решили служить царю Михаилу Федоровичу. Однако силы Заруцкого не уменьшились, поскольку к нему пришло 400 донских казаков (л. 125).

Беглецы подробно рассказали о планах Заруцкого и Марины. Первый собрался в Персию, Марина звала его в Литву. Казаки же не хотят за границу, и многие вознамерились перейти на царскую службу.

Интересно отметить, что бояре не решились сообщать царю тревожные вести о том, что Заруцкий якобы собирается напасть на Каширу. Этот отрывок текста был вычеркнут (конец л. 125). Напротив, более обнадеживающие известия от других беглецов они передали достаточно подробно: у Заруцкого не больше 2 тыс. казаков, да на Деделове 500 человек, которым тот велел идти на соединение с ним, да на Епифани 400 донцов, которые хотели двинуться в Поморские города, но Заруцкий повелел им идти на Украину (л. 126). Получалось, что общая численность казачьего войска была не столь уж велика.

Характерно, что вновь бояре без совета с царем приняли меры по борьбе с Заруцким, ставя последнего лишь в известность о своих действиях. Они собрались отправить князя И.Н. Одоевского Меньшого на Коломну и далее на Рязань и приговорили быть с ним Мирону Вельямину с коломенцами, рязанцами, серпуховчанами, алексинцами и тарушанами. К ним следовало присоединиться воеводе Зарайска А. Гагарину (л. 126).

Первоначально бояре планировали отправить на помощь Одоевскому Г. Тюфякина с Тулы и М. Ивашкина с Крапивны. Но потом текст об этом был вычеркнут, видимо, потому что Тула и Крапивна сами могли стать объектами нападения Заруцкого. Ниже отмечено, что в помощь князю были назначены владимирский воевода И.В. Измайлов, дворяне и дети боярские из Юрьева Польского, Мурома, Арзамаса, Мещоры, Вязьмы, Дорогобужа и Смоленска (те, кто бежали из города после захвата его Сигизмундом), Суздаля во главе с Р. Пожарским, Гороховца, Нижнего Новгорода во главе с А. Волконским, Кадома во главе с И. Можаровым-Темниковым и других небольших поволжских городков (л. 127).

Несомненно, что планировалось послать против Заруцкого достаточно большое войско во главе с опытными воеводами, прославившимися во Втором ополчении. Интересно отметить, что и в этой грамоте вычеркнуты заключительные фразы о том, что в будущем бояре собираются писать о всех вестях, касающихся борьбы с Заруцким.

Большая часть переписки в середине апреля между царем и боярами касалась борьбы с Заруцким. 13 апреля Мстиславский известил Михаила Федоровича о том, что к нему отправлены Ф. Чевкин и михайловцы, отличившиеся в борьбе с воеводами Заруцкого (л. 110). Правка этой грамоты свидетельствует о том, что первоначально собирались отправить к царю большее число михайловцев, но потом имена Ф. Колосова, К. Архипова, С. Зайкова и И. Ковригина были вычеркнуты и остались только: Я. Васильев, Т. Тимофеев, Л. Степанов, А. Золотарь и М. Куранов.

В отписке, отправленной после 13 апреля, Мстиславский извещал царя о том, что от Мирона Вельяминова пришла грамота о том, что Заруцкий с Епифани отправился за Дон, а сам Мирон двинулся вслед за ним. Бояре в свою очередь написали в Калугу, Белев, Мценск, Новосиль, Ливны, Оскол, Воронеж, Курск и Рыльск и потребовали, чтобы воеводы следили за Заруцким и шли на борьбу с ним. Вновь они повторили, что послали князя И.Н. Одоевского и указали украинным воеводам идти к нему на соединение (л. 128). На самом деле князь выступил из Москвы позднее.

Следует отметить, что в отписке от 13 апреля сообщалось, что на сход с Одоевским должны были собраться воеводы полужских городов.

Несомненно, если бы все воеводы выше перечисленных городов соединились с Одоевским, у него была бы большая армия. Но, судя по всему, городские воеводы не торопились выполнять указания из Москвы.

17 апреля царь Михаил Федорович был вынужден писать Мстиславскому, что по 4 апреля к Мирону Вельяминову никто не пришел на помощь и поэтому он не смог идти на Заруцкого (л. 142). Царь приказал Мстиславскому от его имени разослать по городам грамоты, в которых бы содержалось требование к воеводам идти на помощь М. Вельяминову. Кроме того, он извещал бояр о том, что наградил сеунщика П. Кобякова (он сообщил о присяге жителей Рязска) поместьем окладом в 50 четвертей и 5 руб. денег. Поместье следовало прибавить к его окладу и внести в соответствующие документы (л. 142).

Царская грамота от 17 апреля показывает, что с помощью переписки царь не успевал следить за быстро меняющимися событиями. Его распоряжения начинали запаздывать, и сам он оказывался не в курсе происходившего. О помощи Вельяминову он просил тогда, когда уже планировалась отправка князя Одоевского и были разосланы грамоты в различные города. Все это свидетель-

ствовало о том, что дольше оставаться в Ярославле уже было не целесообразно.

Большие сложности появились и в сборе кормов. Об этом свидетельствует грамота царю Мстиславского, написанная после 13 апреля (л. 116–117). В данной грамоте сообщалось о том, что московское правительство оказалось не в состоянии обеспечивать всем необходимым атаманов и казаков, находившихся в Москве (вероятно, они были в составе ополчений). Царь Михаил Федорович к этому времени сам с помощью своих людей стал собирать продовольствие с дворцовых и монастырских сел. Кроме того, он отправил сборщиков в различные города. В итоге, отправленные из Москвы атаманы С. Ташлыков, П. Белоруков, И. Забирский, И. Царская Груша, С. Баранов, Л. Елисеев и П. Бредихин были вынуждены вернуться из Балахны ни с чем. Местные жители заявили им, что продовольствие собирают для самого царя (л. 117). Следует отметить, что в грамоте сообщено общее количество казаков, для которых собиралось продовольствие – 1140 человек. Видимо, столько казаков и было в Москве в то время, и никакого засилия их не было.

Взяв в свои руки сбор продовольствия для воинских людей, Михаил Федорович таким образом лишил московское правительство возможности держать войско в своем подчинении. Наемники могли сделать для себя один вывод – служить следует только царю.

Грамоты Ф.И. Мстиславского царю, датированные второй половиной апреля, свидетельствуют о том, что на границах государства обстановка была все еще напряженной и сложной. В районе Мещовска была угроза нападения литовцев и донцов, но единства среди местных воевод не было. Об этом сообщают несколько грамот. В первой, датированной приблизительно 14 апреля, Мстиславский сообщал о том, что воеводы А. Хованский и С. Гагарин 13 апреля соединились с посланными из Москвы С. Колтовским и Г. Чебышевым (л. 122–123). Первоначально в этой грамоте был текст о том, что местные воеводы 1 апреля собирались сразиться с литовцами и донцами в Мещовском и Козельском уездах, но И. Хворостинин и Т. Мещерский, не сославшись с А. Хованским и С. Гагариным, повернули назад в Мценск. Однако этот текст был вычеркнут и заменен на обороте другим о том, что Гагарин и Хованский соединились с Колтовским и Г. Чебышевым. Причина исправлений, видимо, заключалась о том, что Мстиславский не решил сообщать царю о непонятной розни среди воевод.

Однако уже 24 апреля Мстиславский был вынужден сообщить царю о распрях среди воевод, поскольку из-за них не велась эффективная борьба с литовцами и донскими казаками (л. 132–133).

В данной грамоте Мстиславский был вынужден сообщить, что 3 апреля И. Хворостинин не пошел на соединение с А. Хованским в районе с. Иванкова и вернулся в Мценск (л. 132). Но при этом он привел объяснение Хворостинина по этому поводу. По его версии, Хованский бежал из Белева во время нападения на город литовских людей и оставил город без защиты, поэтому он и вернулся в Мценск (л. 133). Более того, из грамоты выясняется, что, уже по версии А. Хованского, воевода Калуги А. Измайлов начал ссылаться с литовцами, захватившими Мещовск (л. 133). Проверить точность этих данных не представлялось возможным. Поэтому Мстиславский сделал вывод о том, что воевод Мценска, Белева и Калуги следовало сменить, однако сам он это сделать не мог, поскольку «с Москвы послать некого: стольники и дворяне болшие и из городов выборные все с тобою, государем» (л. 133). Боярин был вынужден просить царя самого «учинить» приказ по этому делу.

Таким образом, грамота от 24 апреля показывает, что к этому времени все рычаги по управлению государством оказались у Михаила Федоровича, который все еще находился на пути к столице. В подчинении у временного правительства не осталось ни представителей двора, ни дворян.

Ответ на грамоту Мстиславского от 24 апреля царь написал уже 26 апреля, поскольку находился в Троице-Сергиевом монастыре (л. 166–168). Михаил Федорович указал, что воевод А. Хованского и И. Хворостинина следует сменить, поскольку из-за их розни «поруха всему делу» (л. 168). Но при этом он не указал, кого следует послать вместо них, лишь констатировал, что «дворяне, стольники и стряпчие с нами все». Их именной список был отправлен в Москву.

Царь не был склонен верить наветам воевод друг на друга, поэтому распорядился точно выяснить, кто сказал А. Хованскому о том, что А. Измайлов ссылался с литовцами, захватившими Мещовск (л. 168).

Данный факт свидетельствовал о том, что Михаил Федорович не собирался поощрять шептунов и верил лишь проверенным и достоверным фактам. В этом он выгодно отличался от Б.Ф. Годунова и В.И. Шуйского, покровительствовавших и награждавших доносчиков.

Следует отметить, что на Северщине обстановка была очень сложной и напряженной. Об этом свидетельствует грамота Ф.И. Мстиславского царю от 23 апреля (л. 156–159).

В данной грамоте сообщалось о том, что рыльские воеводы П. Воейков и Б. Износков, узнав о захвате Путивля и его окрест-

ностей литовцами, начали с ними многодневную борьбу. Несомненно, что силы были неравными. Литовцев было в двух таборах до 6 тысяч, кроме того, к ним пришли князь С. Лыко с 400 человек, пан Зборовский с 700 и прибыльные люди из Путивля (л. 157). Поэтому бояре отправили в помощь рязаням князя Д. Долгорукова и велели с ним соединиться князю Т. Мещерскому из Мценска, а также воинским людям из Орла, Карачева, Курска, Кром, Стародуба, Почепа, Чернигова, Новгорода Северского, Брянска, Болхова, Новосили, Черни. Кроме того, они обнадеежили приехавших в Москву рязян, что помощь им будет.

Во второй половине апреля все еще была очень актуальной и борьба с И. Заруцким. Об этом свидетельствуют несколько грамот Ф.И. Мстиславского царю. Грамота, отправленная после 17 апреля, находится в составе «Дела» на л. 129–130. В ней сообщалось о том, что планировавшийся поход князя И.Н. Одоевского против Заруцкого несколько раз откладывался. Из приписки к грамоте известно, что князь вышел из Москвы только 19 апреля. Тем временем Заруцкий пошел с Епифани на Деделов, взял этот город, разграбил и пошел дальше на Крапиву (л. 130).

Интересны дьяческие приписки к этой грамоте о том, что следует написать во Владимир, Суздаль и другие города об отправке ратных людей для соединения с Одоевским; о том, что необходимо написать государю о розни воевод Хованского, Измайлова и Хворостина и о захвате Заруцким Крапивны, и о том, что на Москве мало людей: «стольники и стряпчие, и дворяне, и жильцы все у Государя, а многие разъехались по деревням» (л. 129 об.).

Данная грамота констатирует тот факт, что страна перестала подчиняться временному правительству в Москве, ратные люди не выполняли его указания, не ехали ни в столицу, ни на службу. Поэтому следовало просить государя писать по городам от себя (л. 129 об.).

Грамота Мстиславского царю, написанная после 19 апреля, сообщала о разорении Заруцким Крапивны (л. 131). (Это та грамота, которая должна была быть написана согласно приписке в предыдущей грамоте.) В ней также писалось о том, что Заруцкий собирался пойти на Тулу, поэтому тульский воевода Г. Тюфякин просил о помощи. Мстиславский извещал царя о том, что с Москвы отправлен князь И.Н. Одоевский, что М. Вельяминову было приказано идти к Туле, что на Тулу отправлен во главе сотни стрельцов П. Молотеин, что воеводам Владимира и Суздаля И. Измайлову и Р. Пожарскому приказано в спешном порядке идти к Туле. Но в итоге Мстиславский вновь был вынужден констатировать, что «дворяне и дети боярские на Москве немногие, и

без них быти немочно, а стольники и стряпчие, и дворяне московские и из городов многие поехали к тебе, государю» (л. 131).

Несомненно, что члены временного правительства к концу апреля окончательно поняли, что власть из их рук ушла. Хотя они и пытались рассылать грамоты от имени царя, но на местах уже знали, что настоящие царские грамоты приходят не из Москвы, а из государева стана. Этот вывод подтверждает правка грамоты Мстиславского от 24 апреля, в которой сообщалось о продолжении борьбы с Заруцким (л. 153–155). В ней всюду зачеркнуты фразы «а велели им» и вместо них вставлено: «мы, холопы твои, послали от тебя, государя». Кроме того, на л. 155 полностью вычеркнут текст, в котором писалось о действиях временного правительства.

В этой грамоте вновь сообщалось о взятии Заруцким Крапивны и отмечалось, что далее он пошел не на Тулу, как предполагалось ранее, а на Чернь. Мстиславский извещал царя о том, что существует опасность соединения Заруцкого с донцами и литовцами, стоявшими в Путивле, и что этому следует помешать. От имени государя члены временного правительства написали воеводам Д. Долгорукому и Т. Мещерскому и попросили их связаться с Н. Одоевским для организации совместных действий против Заруцкого. Кроме того, они обратились к воеводам А. Хованскому и И. Хворостинину с просьбой прекратить распри и сообща «промышлять» против врагов.

Грамота Мстиславского от 24 апреля показывает, что в конце апреля на южных и на юго-западных границах Российского государства было очень неспокойно. Многие местные воеводы поддерживали нового царя, но у них не было достаточно сил для борьбы с многочисленными врагами (Заруцким, донскими казаками, литовцами), поэтому они просили помощь из центра. Сам Михаил Федорович смог послать отряд только под Псков. Борьбу с Заруцким должны были организовать члены временного правительства. Но их действия не были достаточно оперативными, к тому же городские воеводы не слишком прислушивались к посланиям из Москвы.

Следует отметить, что, если на некоторые грамоты Мстиславского Михаил Федорович отвечал с заметным опозданием, то на грамоту от 24 апреля он написал ответ уже 25 апреля (л. 169–172). Причина столь быстрого ответа заключалась в том, что Михаил был уже в селе Сваткове недалеко от Троице-Сергиева монастыря. В ответной грамоте царь одобрил меры бояр по борьбе с Заруцким и порекомендовал вновь написать грамоты всем воеводам, которые должны были соединиться с И.Н. Одоев-

ским. От себя Михаил Федорович писал во Владимир к И.В. Измайлову и в Суздаль к Р.П. Пожарскому и просил их идти «на сход наспех», днем и ночью, действовать «сопча за один», без розни, чтобы от нее «земскому делу порухи не было».

Несомненно, что в данном случае было предпринято все возможное, чтобы помешать Заруцкому захватить южные и западные города и обосноваться в них на долгое время. Воеводам следовало все дальше и дальше отгонять врага от центральных районов.

Активная борьба с Заруцким и литовцами заставила Михаила Федоровича двинуться в путь. Его грамоты показывают, что неосвоенное воцарение беспокоило молодого царя, а сложная и напряженная ситуация в стране.

В грамоте от 18 апреля он сообщил митрополиту Кириллу и Освященному собору и боярам о том, что 16 апреля выехал из Ярославля и прибыл в Ростов 17 апреля, 19 апреля планировал продолжить путь.

Царь объяснял, что причина длительной задержки в Ярославле была в том, что зимний путь испортился, реки вскрылись и переправляться через Волгу было опасно. Кроме того, у него было мало подвод, и многие служилые люди были вынуждены идти пешком (стрельцы, казаки, дворовые люди) (л. 151).

Несомненно, что данные объяснения были оправданными, но, думается, что царь сам не торопился в Москву и дождался того, что зимние дороги испортились. При желании он мог бы оставить своих многочисленных спутников и через три дня оказаться в столице. Но Михаил Федорович этого не сделал, напротив, он дождался пока весь царский двор не переехал к нему в Ярославль, прибыли выборщики из городов и многие служилые люди. От своего имени он стал рассылать воевод и сборщиков по многим северным и поволжским городам. В итоге значительная часть страны оказалась под его личным контролем, московское же правительство постепенно лишалось власти.

В другой грамоте от 18 апреля (л. 136) царь сообщал Мстиславскому о том, что к нему прибыли Ф. Алябьев и рязанец В. Павлов с известием о присяге ему михайловцев, но об этом он уже знал, поскольку, видимо, сам получил грамоту от михайловских жителей.

Данная грамота свидетельствует о том, что московское правительство даже стало терять функции посредника между южными городами и царем. Горожане стали напрямую писать Михаилу Федоровичу.

Еще одна царская грамота от 18 апреля была направлена не Мстиславскому, а Земскому собору, который, видимо, еще существовал во главе с митрополитом Кириллом, духовенством, боярами, окольными и т.д. В перечне чинов, правда, уже отсутствуют выборные и приезжие из городов, указаны только те дворяне, которые служили в Москве (л. 137).

Данная грамота была посвящена важному вопросу о присяге жителей Казани. Часть казанцев во главе с Н. Шульгиным была в Арзамасе и еще 14 марта известила московское правительство о присяге Михаилу Федоровичу, т.е. вскоре после получения московской грамоты. От Никанора до этого были отправлены дворяне, дети боярские, сотники, стрельцы, торговые люди, татарские князья, мурзы и прочие для царского избрания, но они прибыли слишком поздно.

25 марта к царю прибыл из самой Казани А. Образцов и потом 5 апреля И. Дичков с грамотами о присяге всех казанцев во главе с митрополитом Ефремов. Татарские князья, мурзы, татары, вотяки, башкирцы, чуваша, марийцы (черемисы) «шертовали и отписки и целовальные записи прислали». Кроме того, казанцы сообщили, что они отправили гонцов в соседние города. В итоге Михаилу Федоровичу целовали крест следующие понизовые города: Чебоксары, Кузьмодемьянск, Алатырь, Курмыш и Свияжск (л. 139–140).

Однако от А. Образцова и И. Дичкова царь узнал, что Н. Шульгин, воевода Казани, арестован без оповещения его об этом. Поэтому он был вынужден отправить от себя воеводой Казани князя Ю. Ушатова и дьяка Ф. Лихачева, а в Свияжск – князя В. Щербатова и дьяка И. Сафонова. Свияжскому дьяку С. Собакину велено быть с отчетом в Москве (л. 141).

Как видим, и в решении вопроса с казанцами и свияжанами царь Михаил Федорович обошелся без помощи московского правительства. Он отправил в эти города тех воевод, которых счел наиболее подходящими. Следует отметить, что казанцы, которые длительное время не знали, кому служить, достаточно быстро и единодушно присягнули новому царю даже при том условии, что их выборщики на Земский собор не успели приехать и волю казанцев на нем не изъясляли.

В ответ на царскую грамоту о Никаноре Шульгине Мстиславский написал в соответствующей отписке, что от троицких архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына прибыл сын боярский Ф.Ф. Шульгин, видимо, родственник Никанора, и привез на имя царя челобитную Никонорову. Бояре челобитную отпра-

вили Михаилу Федоровичу, а Федора оставили в Москве до царского указа (л. 123).

Данная отписка показывает, что бояре уже перестали сами предпринимать какие-либо действия и готовы были выполнять царские указы,

22 апреля царь отправил Ф.И. Мстиславскому грамоту, в которой сообщил о своих воеводских назначениях и предпринятых им мерах по сбору продовольствия, кормов (л. 173–176).

За время своего пути Михаил Федорович сменил воевод в Казани (отправил Ю. Ушатого и Ф. Лихачева), в Свияжске (В. Щербатого и И. Сафонова), в Алаторе оставлен прежний воевода П.И. Бутурлин, в Арзамасе – П. Львов и С. Козадавлев. Прежнему воеводе Д. Змееву было велено быть с городом. Под Псков были отпущены С. Прозоровский с Л. Вельяминовым и подьячим Ф. Пахомовым для борьбы со шведами (л. 174). В. Аничкову было велено быть у царя, но он еще не прибыл. В Бежецкий Верх на Городецкой были отправлены воеводы Ф.С. Плещеев и Т. Лазарев, а И. Пушкину велено было отправиться в Москву. Относительно воевод других городов царь написал, что разрешает боярам назначать их по своему приговору (л. 175). Такое решение он принял, видимо, потому, что уже не сомневался в преданности московского правительства. Однако сбор продовольствия Михаил Федорович оставил в своих руках. Боярам он написал, что Дворцовым ведомством будут заниматься Б.М. Салтыков (двоюродный брат царя по линии матери) и дьяки И. Болотников и Б. Тимофеев. Они будут рассылать сборщиков и вести учет собранного (л. 176).

Данная грамота показывает, что новый царь не только смещал и назначал воевод, но и начал создавать свои управленческие органы, хотя их аналоги были в столице.

23 апреля Михаил Федорович был в Переславле-Залесском. Оттуда он отправил предыдущую грамоту и грамоту о подготовке царских палат к его прибытию. Следует отметить, что о своем жилище он обеспокоился только 23 апреля, когда до приезда в Москву оставалось только несколько дней. Для себя он попросил приготовить Золотую приемную палату царицы Ирины Федоровны Годуновой и находящиеся рядом с ней проходные сени в палату и в мастерские палаты царицы. Возможно, что только они одни были в довольно сносном состоянии или особенно нравились Михаилу. Для матери он попросил приготовить деревянные хоромы жены Василия Шуйского царицы Марии Буйносовой. О готовности этих помещений следовало отписать «тот час же» (л. 244).

Однако на эту грамоту бояре, без упоминания имени Ф.И. Мстиславского, ответили, что уже приготовили для царя по своему усмотрению Золотую палату около храма Благовещения и около нее сени передние, палату переднюю, две комнаты, где жил царь Иван Васильевич, и чердак-гульбище царицы Анастасии Романовны. Матери же его они приготовили хоромы в Вознесенском монастыре; где жила Марфа Нагая, мать царевича Дмитрия. Приготовили они также Грановитую палату и мыленку на том месте, где она была при Борисе Годунове и царе Василии. Сначала бояре подробно описали, что было сделано в палатах («и письмом посинено, и у окон вставни вновь сукном обиты, окончины вставлены»), но потом это вычеркнули (л. 246).

Относительно просьбы царя приготовить другие палаты, бояре были вынуждены написать, что смогут это сделать позднее, уже после его приезда, поскольку денег на строительство нет, плотников не найти, хороший строительный материал отсутствует (л. 246).

Несомненно, что бояре проявили своеволие, подготовив для царя и его матери те палаты, которые сами для него выбрали. Опытный царедворец Мстиславский это хорошо понял и не поставил под данной грамотой свое имя.

Действительно, Михаил Федорович возмутился, что ему приготовили не те палаты, которые он просил. 28 апреля из Троице-Сергиева монастыря он отправил к боярам Ф. Засецкого с требованием приготовить для матери царские хоромы, а не в монастыре, поскольку кельи Марфы Нагой «ей не пригодятся» (л. 260). Царь хотел, чтобы его мать жила подле него, как царица. Бояре же стремились ее отдалить от Михаила и заставить поселиться в монастыре как монахиня. Они, конечно, знали о властном характере Марфы Ивановны и опасались ее влияния на сына. Царская грамота от 28 апреля дошла в беловом виде в составе «Дела» на л. 258–259.

К выше рассмотренным грамотам примыкают отписки, касающиеся шатров и палаток, в которых следовало встречать царя у стен Москвы.

Своеволие бояр относительно устройства царских палат вовсе не означало, что они были готовы диктовать царю свои условия. В ответной отписке царю на грамоту от 22 апреля Мстиславский был вынужден ответить, что «на Москве стольников и дворян больших, и стряпчих нет никого, в воеводы послать некого». Даже городовые дворяне отправились в царскую ставку (л. 135). В итоге Мстиславский был вынужден написать: «И тебе б, государю, смиловаться, прислать к Москве из стольников, из дворян ко-

го для твоего государева дела, на твоих государевых недругов посылать для промысла, да и городовых дворян и детей боярских» (л. 135). Более того, князь даже попросил Михаила Федоровича письменно приказать дворянам, детям боярским, атаманам и казакам, которые были в Москве, идти на Заруцкого и донцов-черкасов, поскольку те, видимо, не слушались указаний временного правительства (л. 135).

Бояр не слушались не только московские служилые люди, но и городовые дворяне. Еще в одной грамоте Ф.И. Мстиславский был вынужден сообщить Михаилу, что, несмотря на многочисленные просьбы к воеводам Ярославля, Костромы, Галича, Романова, Пошехонья, Вологды и Ростова прислать в Москву дворян с запасом продовольствия на 4 месяца, до 20 апреля никто не прибыл (л. 134). Можно предположить, что все эти дворяне оказались в царской ставке и начали служить самому Михаилу Федоровичу.

В следующей грамоте (л. 144) Ф.И. Мстиславский был вынужден просить Михаила Федоровича самого написать в северные города (Ярославль, Кострому, Галич, Романов, Пошехонье, Вологду и Ростов) и указать воеводам выслать дворян и детей боярских в Москву. В ответ царь Михаил Федорович 25 апреля повелел у всех не явившихся на службу дворян отписать поместья и вотчины на свое имя.

В приложении к грамоте был дан список тех, кто не явился к царю. Среди них стольники, стряпчие и жильцы, т.е. представители двора. Вполне вероятно, что из Москвы были присланы списки всех членов двора. Выявить «нетчиков» было поручено А.В. Лобанову и К. Михалкову. Первый начинал службу рындой при дворе Василия Шуйского, потом входил в состав Первого ополчения, в сентябре 1611 г. был в плену у поляков, потом бежал и влился во Второе ополчение. Вероятно, был в составе Костромского посольства и потом вошел в новый двор царя. О службе К.И. Михалкова сведений нет, но он вскоре стал постельничим Михаила Федоровича.

Оказалось, что не явились следующие лица: стольники В.М. Бутурлин и Д.И. Головин (первый был довольно известным воеводой при правительстве «Семибоярщины», в будущем станет боярином; о службе второго данных нет); стряпчие: Н.И. Ласкирев (вскоре начнет активно служить при дворе Михаила Федоровича), И.А. Крюков, И.И. Воейков; жильцы: И.И. Колычев, П.И. Стародубский, Н. Исупов, П.А. Мячков, Ф.П. Неелов, В.Ф. Морткин, М.С. Гагарин, В.М. Демьянов, Я.А. Демьянов, Ю.А. Демьянов и Л.А. Демьянов, В.Ф. Михалков, И.Ф. Львов,

С.Ф. Львов, Никита Иванович и Наум Иванович Вырубовы, И.А. Зайцов, И.И. Тютчев, А.Б. Львов, И.И. Погожево, К.С. Сытсв, Д.И. Вадболской, И.Т. Ухтомской, Т.Т. Ухтомской, М.Г. Козловской, Е.С. Елизаров, А.С. Елизаров, И.И. Елизаров, Ф.В. Панов, И.И. Мерлеев, И.И. Михнев, А.А. Мячков, П.С. Калитин, С.П. Панов, А.С. Калитин, И.Г. Чириков, М.К. Наумов (л. 164–165).

Данный список показывает, что не явившимися были в основном младшие представители знатных родов (Бутурлиных, Головиных, Колычевых, Ласкиревых, Воейковых, Стародубских, Гагариных, Львовых, Ухтомских, Козловских, Наумовых и др.), которые остались в стороне от событий Смутного времени, не принимали активного участия в ополчениях и, видимо, отсиживались в своих имениях. О службе очень немногих из них в дальнейшем есть сведения в разрядах. В.М. Бутурлин в 1614 г. стал воеводой Шацка, Н.И. Ласкирев в 1613 г. ездил под Смоленск к Д.М. Черкасскому с царским жалованным словом, М.Г. Козловский в 1638 г. был воеводой Мценска, И.И. Елизаров – воеводствовал в Устюжне³⁰.

Несомненно, что «нетчики» были пассивной частью общества, возможно, из-за молодости и старались держаться в стороне от всех событий в стране.

Царская грамота от 29 апреля из Троице-Сергиева монастыря в Москву (л. 262–265 «Дела») свидетельствует о том, что дворяне из некоторых городов оказались активными и на царскую службу явились. Их списки были приложены к грамоте, но, видимо, дошли до нас не полностью. Полным выглядит список только по Костроме, в нем – 41 фамилия. В ярославском списке всего 5 фамилий. Из грамоты же выясняется, что списки составлялись еще по Романову, Пошехонью и Ростову (л. 262). За неявившимися были посланы сборщики, которые, видимо, накладывали на них штраф.

Царю Михаилу Федоровичу приходилось разбирать очень сложные вопросы с земельными пожалованиями. Дело в том, что в период Смуты одно и то же поместье переходило из рук в руки, поскольку распределением земель занимались все, кто имел хотя бы небольшую власть. Характерным примером является царская грамота боярам от 28 апреля о поместье дьяка М. Данилова (л. 256–257).

Из грамоты выясняется, что разрядный дьяк М. Данилов при Василии Шуйском получил небольшое поместье в Суздальском уезде, которое до этого принадлежало стороннику тушинцев А. Алалыкину. Однако захвативший Суздаль А. Просовецкий вновь отдал поместье Алалыкину, но, когда того убили под Пере-

славлем-Залесским, поместье перешло к его брату Василию. Дьяк Данилов, вошедший в состав Второго ополчения, стал просить у его руководителей вернуть ему суздальское поместье. В итоге за его службу Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский дали ему это поместье в вотчину. Однако потом В. Алалыкин обратился к московским боярам с просьбой вернуть ему это поместье, поскольку он получил его от А. Просовецкого. Вероятно члены временного правительства сочли просьбу Алалыкина обоснованной и хотели вернуть ему поместье. В итоге дьяк Данилов был вынужден обратиться с челобитной к царю. В ответ Михаил Федорович повелел боярам не отнимать у дьяка земли до его приезда в Москву (л. 257).

Грамота показывает, что царь считал более обоснованными права на вотчину у дьяка, поскольку тот получил его сначала от законного царя Василия Шуйского, а потом от руководителей ополчений. Просовецкий же не имел права распределять государственные земли, поэтому не понятно почему бояре приняли сторону Алалыкина. Возможно, им была не известна вся история этого поместья.

Обращение дьяка М. Данилова к царю Михаилу Федоровичу свидетельствовало о том, что именно в нем не самые знатные люди видели справедливого судью и своего защитника. Несомненно, что различных челобитных было много больше, но они до нас не дошли. Простые люди не надеялись на справедливость бояр, которые могли действовать в интересах своих родственников и знакомых. Царь же в этом отношении был более беспристрастным и являлся гарантом исполнения существующих законов.

Переписка показывает, что усилия воевод северских городов, в конце концов дали некоторые положительные результаты. К концу апреля Мещовск был освобожден. Правда произошло это не в результате боев, а потому что литовцы его покинули и отошли к Смоленску. Об этом сообщала грамота Мстиславского царю, написанная после 28 апреля (л. 177–180).

Мстиславский писал даже о том, что поляки и литовцы собирались покинуть Смоленск. Об этом сообщали выходцы из Смоленска А. Битяговский и Г. Беклемишев. По их версии, двухтысячный смоленский гарнизон собрался покинуть город из-за начавшейся польско-турецкой войны (л. 179–180). Калужский воевода А. Измайлов, принявший у себя смолян с важными вестями, не только написал обо всем в Москву, но и отправил А. Битяговского с товарищами к боярам, чтобы те сами их допросили.

Однако через некоторое время выяснилось, что не весь польский гарнизон покинул Смоленск, несколько сотен воинов оста-

лись и, благодаря мощным крепостным стенам, смогли удержать город за собой.

Рассмотренная выше грамота показывает, что и воеводы, и бояре с готовностью верили хорошим вестям, даже если они были маловероятными. Ведь осаждавший больше года Смоленск польский король вряд ли бы отдал его назад добровольно.

Анализируя путь Михаила Федоровича к Москве, можно заметить, что в некоторых местах он делал довольно длительные остановки. 19 марта он выехал из Костромы и 21 марта был в Ярославле. Вновь в дорогу он отправился только 16 апреля, на следующий день был в Ростове. Получается, что сложная переправа через Волгу заняла всего один день вместе с путем до Ростова. 19 апреля царь поехал дальше и, видимо, вскоре был в Переславле-Залесском. 22 и 23 апреля он писал грамоты из этого города. 25 апреля он был в селах Сваткове и Любимове и из них послал в Москву грамоты.

Село Сватково находилось рядом с Троице-Сергиевым монастырем, поэтому, по сообщению архиепископа Феодорита, царь был в монастыре уже 23 апреля. До столицы оставалось совсем немного, но Михаил Федорович почему-то вновь остановился. О причинах остановки говорится сразу в нескольких грамотах: членов Костромского посольства, Казанского митрополита Ефрема и самого царя. Рассмотрим их.

Грамота Феодорита и Ф.И. Шереметева, датированная 28 апреля, дошла в составе «Дела» на л. 190–206 в беловом варианте с адресом на обороте. В ней содержалось обращение не к Ф.И. Мстиславскому и членам временного правительства, а к митрополиту Кириллу и Земскому собору с полным перечнем чинов. Это должно было подчеркнуть ее важность.

Феодорит и Шереметев вновь описали, как долго они умоляли Михаила Федоровича и Марфу Ивановну принять царство, и как долго те отказывались, ссылаясь на то, что государство разорено и что русские люди измалодушествовались и неверны своему крестному целованию. С трудом удалось убедить их в том, что будущие подданные «пришли в чувство» и готовы служить верно и преданно (л. 190–193). Однако на самом деле это оказалось не так.

23 апреля на государев стан в Сваткове пришли ограбленные и побитые дворяне из разных городов и рассказали, что в районе Мытищ они были схвачены и ограблены казаками, отряд которых достигал 200 человек. Два дня они томились под стражей и с трудом ночью убежали. Среди прибывших были гонцы И. Полтев и И. Самойлов с грамотами временного правительства царю

(л. 194). Несомненно, что данный факт возмутил Михаила Федоровича, и он решил не торопиться в столицу.

27 апреля пришла грамота из Дмитрова о том, что в окрестностях города занимаются грабежами казаки из полка Д.М. Пожарского. Они ушли из столицы, выбрали себе атамана А.И. Тверятинова и занялись разбоем. С трудом дмитровские дворяне, дети боярские и местные торговые и кормовые казаки отогнали их от города, в противном случае те разграбили бы и сожгли посад (л. 195–196).

Не менее утешительные вести пришли и из Кашина, Углича, Бежецкого Верха и Устюжны. Оказалось, что отправленные подо Псков с С. Прозоровским и Л. Вельяминовым казаки, снабженные кормами и жалованием, занялись грабежами на дорогах, в селах и деревнях стали брать себе все понравившееся, крестьян же мучали и убивали (л. 196–197).

Отличились и те казаки, которые были в составе Костромского посольства – они самовольно разъехались и также начали грабить путников на дорогах, не делая исключения для государевых гонцов (л. 197).

Все эти известия крайне раздосадовали Михаила Федоровича и его мать. 26 марта в Троице-Сергиевом монастыре царь собрал всех своих спутников (за время пути к нему присоединился даже Казанский митрополит Ефрем) и заявил им «с великим гневом и со слезами», что, когда его избирали люди всех чинов Московского государства, то клялись «быти всем в любви и в соединеньи и стоять и битися против недругов». Теперь же «по дорогам грабежи и убийства, и кровь крестьянскую проливают, однородную, свою братью, православных крестьян, побивают и грабят, позабыв своевольное крестное целованье». Видя такое воровство, грабежи и убийства среди православных крестьян, царь заявил, что не хочет идти на свой царский престол (л. 200).

В этих сложных условиях, послы были вынуждены вновь писать в Москву к членам Земского собора, чтобы те приняли решительные меры для искоренения воровства и грабежей по городам и на дорогах: воров следовало сыскивать и наказывать по законам. Только это могло унять царский гнев, оградить всех от опал и убедить государя поскорее ехать в столицу (л. 204–205).

К грамоте послов примыкает послание Казанского митрополита Ефрема членам временного правительства. Данная грамота датирована 27 апреля и носит более краткий и деловой характер, чем грамота послов. Ефрем обращался не к Кириллу и Земскому собору, а к боярам во главе с Ф.И. Мстиславским. Он сообщил о соборе у Михаила Федоровича, состоявшемся 26 апреля, на кото-

ром царь заявил, что не хочет ехать в Москву из-за участвовавших грабежей и разбоев. Особенно его возмутило то, что воры обирают царских гонцов, отнимают у них грамоты, деньги, лошадей. В итоге важные вести не доходят до адресатов, и царским делам «учиняется великая поруха».

Ефрем рекомендовал боярам собрать всех атаманов и казаков и напомнить им о крестном целовании царю и убедить их отстать от воровства и разбоев. Кроме того, следовало сыскивать воров и унять их. От себя митрополит обещал умолять Михаила Федоровича поскорее ехать в Москву.

Более решительный характер носит грамота самого царя от 29 апреля о грабежах и разбоях (л. 182–189). Царь, как и послы, обращался к членам Земского собора во главе с митрополитом Кириллом, однако, перечень чинов несколько иной, чем в посольской грамоте, вставлены: жильцы, пушкари, посадские люди (л. 182). Это говорит о том, что обе грамоты писались самостоятельно, и что царь стремился обратиться к самым разнообразным чинам, уточняя название низших.

Если в грамоте послов сначала писалось о том, с каким трудом им удалось уговорить Михаила Федоровича и его мать принять царство, то в царской грамоте сразу пишется о грабежах и разбоях по городам и дорогам, из-за которых стала невозможной переписка царя со столицей и городами. Из-за этого он отказался ехать в Москву и требовал, чтобы бояре навели порядок.

Михаил Федорович напомнил членам Земского собора, что те уверяли его через своих послов о том, что все дурное было раньше, в мятежное время, а после его избрания все люди пришли в соединение и любовь. Однако это оказалось ложью. Он отметил, что от грабежей и разбоев страдают не только его дела, но и может сложиться очень тяжелое положение в столице: никто не поедет на службу из городов, а торговые люди не повезут продовольствие (л. 186).

Для решения вопроса о наведении порядка на дорогах Михаил Федорович рекомендовал собрать Земский собор. От себя он отправил чудовского архимандрита Авраамия, спасского архимандрита Иосифа, стольников И.П. Шереметева и А.М. Львова, стряпчего И.С. Погожево, дворян А.И. Зюзина, Г.А. Алябьева, жильцов Н. Воробина, Я. Протопопова и князя М. Щетинина, а также из городов дворян, атаманов и казаков (л. 187). Кроме того, царь указал боярам огласить закон, по которому следовало сыскивать всех грабителей и воров, приводить их в Москву и там судить со всей строгостью так, чтобы другим было «не повадно» (л. 189).

В довершение Михаил Федорович приказал боярам отыскать атаманов и казаков, которые 28 апреля сбежали от него и занялись грабежами на московской дороге. Их главарей следовало бросить в тюрьму до приезда царя. К грамоте был приложен список беглецов, который до настоящего времени не дошел (л. 189–190).

Рассмотренная выше грамота показывает, что Михаил Федорович был сторонником самой решительной борьбы с разбойничаящими атаманами и казаками и полагал, что против них следует не только посылать войска, но и настраивать все население страны. Никто не должен был их покрывать, помогать им и позволять бесчинствовать на дорогах. Простые люди должны были сообщать обо всех происшествиях, городовые воеводы отыскивать и наказывать воров и грабителей.

Чтобы заставить всех действовать более энергично и быстро, царь пригрозил, что вообще не поедет в столицу и состояние неопределенности в государстве продолжится.

Содержание грамоты показывает, что Михаил Федорович начал ощущать себя защитником простых людей, крестьян, купцов, жителей посада. Он хотел, чтобы столица вновь стала многолюдным городом, чтобы все безбоязненно ездили по своим делам и занимались различными промыслами. «А то вам, богомолцам и бояром, и всяких чинов людям мочно самим ведати: толко на Москве и под Москвою грабежи и убивства и шарпание, и крови крестьянские пролитие не уймется, и за то какие чайти от Бога милости? И никакие люди к Москве ни с какими товары и с хлебом для убивства и грабежей не поедут, и дороги все затворятся. И толко не будет с Москвы в городы, а из городов проезду, и в том какому добру быть?... Да и то нам подлинно ведомо есть, которые гости и торговые и всякие жилецкие люди москвичи в московское разоренье разбежались с Москвы по городам, а ныне, по вашему боярскому приговору, велено им с женами и с детьми и со всеми их животы ехати к Москве на житье, и подаваны в том на крепкие поруки за записми, и те все гости и жилецкие, и посадские всякие люди для убивства и грабежей к Москве ехати не смеют» (л. 188).

Несомненно, царь хорошо знал о ситуации и в стране, и в столице и понимал, что следует сделать в первую очередь, чтобы простые люди почувствовали уверенность в будущем.

Грамоты Михаила Федоровича, казанского митрополита Ефрема и членов Костромского посольства обеспокоили временное правительство, поскольку оно уже было не в состоянии самостоятельно решать важные государственные вопросы: воинских и других служилых людей в его подчинении почти не было, многие

городовые воеводы не подчинялись, приказы опустели и т.д. Поэтому было решено срочно собрать Земский собор и на его заседании зачитать царскую грамоту. Об итогах его работы свидетельствуют грамоты к Михаилу Федоровичу, митрополиту Ефрему, Феодориту и Шереметеву и наказ новому посольству к царю. Все они дошли в составе «Дела» и в большей своей части совпадают, поскольку были написаны в один день, 30 апреля.

Грамота Михаилу Федоровичу дошла в черновом варианте на л. 208–213. Она написана от Земского собора во главе с митрополитом Кириллом, правда, перечень чинов сокращен. В ней содержится отчет о принятых мерах по искоренению грабежей и разбоев на дорогах.

Во-первых, еще до получения государевой грамоты бояре узнали про разбойников и послали против них вниз по Москве-реке голову Г. Горихвостова с сотней. Однако тот, доехав до Медвежьего брода по Коломенской дороге, их не встретил. Далее, по Троицкой дороге был отправлен голова В. Протопопов. Но и он не сыскал воров (л. 209). Бояре были вынуждены сообщить, что у них нет возможности бороться с теми грабителями и разбойниками, которые орудуют в 30, 40 и 50 верстах от Москвы, поскольку против них некого послать (как видим, московские бояре могли контролировать лишь окрестности столицы).

Наконец, по царскому указу на соборе были совместно обсуждены меры по борьбе с ворующими казаками. По предложению атаманов было решено через день у каждого атамана проводить инспекцию и выявлять воров. Кроме того, были составлены списки объезжих голов, которые должны были ездить по казачьим таборам и слободам и следить за тем, чтобы там не было пьянства и беспорядков (л. 210–212).

В заключение члены собора просили Михаила Федоровича как можно скорее ехать в Москву.

Внизу иным почерком сделана вставка такого содержания: «К Резанскому архиепископу и к Федору Шереметеву грамота послати такова ж, а написати, чтоб государю и государыне власти молили, а бояре бы били челом, чтоб государь шел на свой царский престол, а не замешкав. Казанскому такова ж. Бояром наказ и грамота с ними к государю такова ж. Против наказу отпустить сей час, не выходя из избы» (л. 213).

На обороте л. 208 дьяческая припись: «С стольником с Иваном Шереметевым. Такова ж с боярином с князем Иваном Михайловичем Воротынским».

Действительно, основное содержание грамоты Земского собора митрополиту Ефрему (л. 225–231) сходно с грамотой царю.

Правда, перечень чинов, принимавших участие в соборе, здесь несколько полнее. Указаны стряпчие, жильцы, дворяне из городов, которые в рассмотренной выше грамоте отсутствуют.

В начале грамоты, по существовавшей традиции ответа, повторено содержание грамоты Ефрема. Но перечень принятых мер для искоренения разбоев сходен, хотя и без деталей: не названы имена голов, посланных против грабителей, не отмечено, что у бояр нет возможности навести порядок дальше, чем в 30 верстах от Москвы и т.д. Есть в ней и дополнение, касающееся отправки из Москвы нового посольства к царю во главе с И.М. Воротынским и В.П. Морозовым (л. 229).

В заключении грамоты содержится просьба к Ефрему молить царя и его мать поскорее ехать к Москве (л. 230–231).

Следует отметить, что в части, совпадающей с текстом грамоты к царю, правка очень незначительная, что свидетельствует о ее вторичном характере.

Сходный характер с предыдущими грамотами носит и грамота Земского собора Феодориту и Шереметеву (л. 214–224). Но в грамоте Феодориту и Шереметеву есть некоторые отличия. Так, в ней перечень чинов, участвовавших в Земском соборе, самый полный. Добавлены: приказные люди, дети боярские из городов, головы стрелецкие, сотники, атаманы, казаки, стрельцы, гости, торговые и всякие люди (л. 214). Причина отличий в перечне могла быть связана с тем, что грамота к царю была явным черновиком с сокращениями.

В начале грамоты повторены все случаи разбойничества, о которых стало известно государю и о которых писалось в грамоте Феодорита и Шереметева. Далее ее содержание сходно с грамотой Ефрему, но указаны имена голов, посланных против разбойников, и в перечне участников нового посольства к царю добавлено имя дьяка А. Иванова (л. 222–223). Возможно, что для членов Костромского посольства эти детали были важны.

Характерно, что все три грамоты были отправлены с И. Шереметевым, который до этого был послан царем в Москву. Он был хорошо известным лицом, по чину и знатности во много раз превосходил простых посыльных, с которыми обычно отправлялись грамоты. Его назначение на роль посыльного говорило о важности посланий Земского собора.

Земский собор и временное правительство не ограничились отправкой царю и его спутникам грамот. В тот же день, 30 апреля, в царскую ставку было отправлено посольство во главе с боярином И.М. Воротынским. В него входили также: боярин В.П. Морозов, окольный Д.И. Мезецкий, дьяк А. Иванов, а так-

же стольники, стряпчие, дворяне, жильцы и люди разных чинов. Им был дан наказ о том, что следовало сказать Михаилу Федоровичу (л. 232–238).

В тексте наказа сообщалось о том, что 30 апреля был собран Земский собор в таком составе: митрополит Кирилл, архиепископы, епископы, весь Освященный собор, бояре, окольные, стольники, дворяне московские, стряпчие, приказные люди, жильцы, дворяне из городов, атаманы, казаки, стрельцы, всякие служилые люди, гости, торговые московские и всех городов всяких чинов люди Московского государства (л. 232). Перечень чинов показывает, что собор был еще достаточно представительным, несмотря на то, что многие отправились в царскую ставку, а часть разъехалась по домам. Оставались в Москве и представители городов.

На Земском соборе постановили отправить к Михаилу Федоровичу представительную делегацию во главе с боярином И.М. Воротынским, В.П. Морозовым и др. для того, чтобы убедить его поскорее ехать к Москве и рассказать о принятых мерах по искоренению грабежей и разбоев на дорогах.

Любопытны кандидатуры послов. И.М. Воротынский был членом «Семибоярщины», первоначально ратовал за избрание на престол королевича Владислава, но потом был возмущен польским засилием и оказался в оппозиции к королю Сигизмунду. В.П. Морозов поддерживал Второе ополчение. Д.И. Мезецкий долгое время служил Сигизмунду и лишь осенью 1612 г. бежал в Москву, когда город уже был освобожден ополченцами.

Как видим, среди посланцев нет главных руководителей ополчений, очистивших столицу и организовавших Земский собор, избравший Михаила Федоровича на царство.

Согласно наказу, Воротынскому с товарищами следовало объединиться с казанским митрополитом Ефремом, архиепископом Феодоритом и другими членами Костромского посольства и всячески умолять Михаила и его мать поскорее ехать к Москве, где его с нетерпением ждут все люди. Воротынский должен был рассказать о мерах по борьбе с ворами и разбойниками, аналогичных тем, что были описаны в грамотах царю, Ефрему и костромским послам. Далее в наказе шел текст о том, что следовало «просить у государя указа, где государь велит себя властям встречать с чудотворными иконами и животворящими крестами и где его, государя, боярам и кому боярам встречать, и каким людям на встречу с ними быть, и кому на Москве остаться и как и что готовить к его государеву приходу, а получив у государя о том о всем милость» (л. 238), но потом он был вычеркнут. Может быть, этот

вопрос следовало в рабочем порядке решать не с самим царем, а с его ближним окружением.

Последние листы наказа были перепутаны и частично утрачены. На них значился текст о том, что И.М. Воротынскому следовало сообщить о невозможности подготовить для царя те палаты, какие он просил, поскольку «все худы, не покрыты, и мостов нет, и лавок, и окончин, и дверей нет». Хотя бояре и повелели их отремонтировать, но сейчас в них жить нельзя (л. 234).

Включение в текст наказа вопроса о царских палатах свидетельствовало о том, что бояр беспокоило то, что они не выполнили царскую просьбу. Поэтому они стремились всячески оправдаться.

В приложении к наказу были даны списки отправленных к Михаилу Федоровичу лиц. На первом месте боярин князь Иван Михайлович Воротынский. Далее было зачеркнуто «боярин князь Борис», видимо, Б.М. Лыков. Далее зачеркнуто «окольный» и написано «боярин Василий Петрович Морозов». Правка свидетельствует о том, что первоначально планировали включить в список Б.М. Лыкова, который по жене был родственником Михаилу Федоровичу, но потом его заменили на другого царского родственника, В.П. Морозова. Замена могла быть связана с тем, что первый запятнал себя тесными связями с королем Сигизмундом, второй же был участником ополчений. Следующим по списку значился окольный Данила Иванович Мезецкой. Имя дьяка Андрея Иванова было вставлено позднее. Далее были перечислены стольники: князь Василий Семенов сын Куракин (в ополченческих списках не значился), зачеркнуто «князь Петр княж Иванов сын Пронской», князь Борис княж Андреев сын Хилков (был стольником при Василии Шуйском, во время ополченческих боев был воеводой Лихвина), Иван Иванович Бутурлин (брат активного участника Первого и Второго ополчений В.И. Бутурлина), вставлено: «князь Петр княж Иванов сын», видимо, Пронский (активный участник Второго ополчения), Федор, зачеркнуто «да Василей», Васильев сын Волынской (Ф.В. Волынский был участником Второго ополчения) (л. 235). За ними шлистряпчие: Петр Данилов сын Исленьев (во время боев ополченцев был воеводой Пельми), Андрей Федоров сын Палицын (родственник келаря Авраамия Палицына), Александр Богданов сын Воейков (в ополчениях не участвовал). Дворянами были следующие лица: Михайло Самсонов сын Дмитриев (участник Второго ополчения), Михайло Остафьев сын Пушкин (в списках ополчений не значился), князь Федор княж Иванов сын Волконский (был в Первом и Втором ополчениях), князь Михайло княж Иванов сын Солнцев-Засекин (в ополчениях не участвовал). Далее за-

черкнуто: «дьяки» и следует перечень по городам. Кострома: Иван Хрипунов (видимо, один из выборщиков); Галич: Смирной Свиньин (видимо, выборщик или дворянин от города). Голова стрелецкий Михайло Тиханов. Жильцы: Иван Степанов сын Колтовский, Путило Федоров сын Розанов, Данило Семенов сын Змеев (данных о службе нет). 3 атамана, 2 есаула, 20 человек казаков.

Зачеркнуто: «Князь Семен княж Семенов сын Куракин (брат В.С. Куракина), князь Петр княж Иванов сын Пронской» (л. 240).

Атаманы: Борис Каменное Ожерелье, Родион Федоров. Есаулы: Федор Потрекеев, Степан Кузьмин, Василий Долгой. Казацьи станичные есаулы: Иван Григорьев, Климент Иванов. Казаки: Яков Овдеев, Русин Данилов, Сидор Кондратьев, Яков Юрьев, Дмитрий Васильев, Дмитрий Борисов, Назар Денисов, Федор Федоров, Фалдей Афонасьев, Михайло Володимеров, Иван Васильев, Василий Иванов, Федор Яковлев, Керей Федоров, Левонтий Елизаров, Замятня Головин, Никита Васильев, Гайдук Иванов, Щербак Никитин, Богдан Твердилов (л. 242).

На обороте значится такая запись: «Написать в росписи да и Пожарского полк написать имена».

На л. 243: «Имена атаманом и ясаулом и казакам стольника и воеводы князь Дмитриева полку Михайловича Пожарского. Атаман Кирило Малыгин, ясаул Богдан Литвинов, ясаул Назар Шапкин, ясаул Обрам Федосеев, Ермак Мошин, ясаул Герасим Иванов, зачеркнуто: «ясаул Иван Дворькин», Потап Степанов, Павел Федоров, ясаул Сава Касимовец, Степан Гаврилов».

На л. 241 (листы перепутаны): «С головой стрелецким Михайлом Тихановым сотник стрелецкий Федор Суровцов да 10 человек стрельцов конных».

Анализируя список лиц, посланных к Михаилу Федоровичу, можно заметить, что в нем почти нет имен активных участников ополченного движения. Главные бояре – родственники Михаила Федоровича, стольники, стряпчие и жильцы, в основном нейтральные люди, получившие свои чины от царя Бориса и В.И. Шуйского. В делегации много атаманов и казаков, видимо, потому что они должны были уверить царя в том, что с разбоями и грабежами будет покончено.

Анализ всей переписки царя с московским правительством показывает, что в ней почти не упоминались главные герои – полководцы-освободители Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский. Это говорило о том, что после избрания Михаила Федоровича они были отстранены от руководства страной. Об их сложном положении свидетельствует челобитная, которую полководцы были вынуждены написать царю (л. 181).

Челобитная поражает своим уничижительным характером. О себе воеводы пишут так: «холопы твои Митка Трубецкой да Митка Пожарской». Свою деятельность они называли «твоей государевой службой с 119», т.е. с 1611 г., хотя в то время не было и проекта избрания на престол Михаила Федоровича. Они даже не намекают на свои заслуги, считая, что победа произошла «по милости Бога, пречистой Богоматери и твоим государевым счастьем», а также прямой службой дворян, приказных людей, детей боярских, атаманов, казаков, стрельцов и всяких служилых людей. Ни бояре, ни окольные, ни даже стольники при этом не упомянуты.

Полководцы писали, что к ним приходят люди разных чинов, которые освобождали Москву, и бьют челом о том, чтобы иметь возможность встретить государя. Поэтому они просят царя оказать всем милость и учинить указ о том, где им всем будет позволено видеть «царские пресветлые очи, и в который день и в каком месте» (л. 181).

На обороте грамоты значится адрес, но в тексте есть правка, свидетельствующая о том, что это черновик.

Вычеркнут текст с вопросом: «в каком месте ехать навстречу». Возможно, первоначально предполагалось, что полководцы первыми поедут встречать царя. В новом тексте говорилось, что им следовало участвовать в общей встрече, поэтому возникал вопрос: где им находиться?

Известно, что встреча царствующих особ была очень почетным назначением, и эта служба записывалась в Разрядные книги. Возможно, что Трубецкой и Пожарский рассчитывали, что им будет оказана особая честь. Но этого не произошло. Полководцам, видимо, заранее сообщили, что они будут встречать Михаила Федоровича вместе со всеми москвичами, поэтому текст челобитной пришлось исправить.

Несколько грамот «Дела» дают сведения о том, как происходила встреча царя в Москве. В грамоте Ф.И. Шереметева боярину Ф.И. Мстиславскому от конца апреля сообщалось о том, что Михаил Федорович не выразил никаких личных пожеланий по поводу того, как и где его встречать и «положил на волю властей и бояр» решение этого вопроса (л. 254–255).

Царская грамота от 30 апреля (написанная в Братошино) содержит просьбу к Мстиславскому и боярам прислать два посоха (л. 253). В ней пишется, что об этом уже было написано раньше с сообщением размеров посоха. Однако более ранней грамоты о посохах в «Деле» нет, видимо, она не сохранилась.

В этот же день и в этом же месте была написана грамота царя к Мстиславскому о приготовлении шатров, необходимых для встре-

чи. Вновь из текста грамоты выясняется, что царь уже писал о палатках, но в «Деле» нет ранней грамоты. Есть лишь черновик грамоты Мстиславского о том, что в ответ на царскую грамоту об изготовлении 10 палаток, бояре сообщали, что смогли подготовить только 8 и послали их роспись. К ним Мстиславский добавил свой двоeverхий шатер. К данной грамоте приложено подробное описание шатров и палаток (л. 160–161а). Грамота дошла в черновом варианте с множеством исправленной в части, описывающей палатки.

Ответная царская грамота написана 30 марта в с. Братошине (л. 250). В ней Мстиславскому указано прислать изготовленные палатки к утру 1 мая в с. Тонинское (Тайнинское), находящееся на небольшом расстоянии от Москвы. В нем должна была быть последняя остановка царя и его спутников.

Последние две грамоты «Дела» датированы 1 мая и касаются согласия царя приехать в Москву.

Первая – отписка суздальского архиепископа Герасима и боярина И.М. Воротынского Земскому собору о том, что Михаил Федорович наконец-то согласился ехать в столицу «на свой царский престол» (л. 247–252). Отписка адресована Земскому собору во главе с митрополитом Кириллом и Ф.И. Мстиславским с полным перечнем чинов без указания приезжих из городов, которых видимо, в Москве уже не было.

Архиепископ Герасим и Воротынский сообщали о том, что они вместе с митрополитом Ефремом и костромскими послами били челом Михаилу Федоровичу, рассказали ему о принятых в Москве мерах по борьбе с грабежами и всячески умоляли его сжалиться над всеми православными христианами и поскорее идти на свой царский престол.

Михаил Федорович и Марфа Ивановна выслушали челобитчиков и сказали, что хотя и знают о том, что грабежи и воровство на дорогах не прекратились, но по прошению митрополита Ефрема, архиепископов и уже четырех бояр решили всех пожаловать и дать согласие на продолжение поездки. В итоге 1 мая планировалась остановка в Тайнинском в присланных шатрах, а 2 мая – торжественный въезд в столицу (л. 252).

Грамота Михаила Федоровича Земскому собору от 1 мая находится в составе «Дела» на л. 266–268. Ее содержание очень сходно с рассмотренной выше отпиской. Здесь также сообщалось о том, что первоначально из-за грабежей и разбоев царь не хотел продолжать свой путь, но после того, как к нему прибыло представительное посольство из Москвы и очень уважаемые люди стали просить его милости, он не смог им отказать и решил уже 1 мая быть в Тайнинском, а 2 мая въехать в Москву.

Подводя итог, следует отметить, что рассмотренная выше переписка Земского собора и временного правительства с Михаилом Федоровичем и его матерью дает четкое представление о том, кто руководил страной в марте–апреле 1613 г., как складывались взаимоотношения нового царя с собором и боярским правительством, каким оказалось положение ополченческих воевод, какие города сразу же поддержали нового царя и целовали ему крест.

Грамоты показывают, что Михаил Федорович и его окружение уже на пути к Москве все увереннее и увереннее брали власть в свои руки. В этом им помогало население страны, которое в массовом порядке присоединялось к царскому кортежу и отказывалось подчиняться грамотам временного правительства. Поэтому можно с полной уверенностью сделать вывод о том, что в Москву новый царь въезжал полновластным государем, имевшим двор, некоторые органы управления, подчинявшиеся ему войска (часть их была отправлена под Псков), новых городских воевод. В его стане находились высшие церковные иерархи, возглавившие церковь при отсутствии патриарха.

Во времени приезда царя в столицу у боярского правительства не осталось никаких рычагов власти: приказы обезлюдели, большинство членов двора влилось в окружение царя, городские воеводы плохо подчинялись московским указам, предпочитая напрямую обращаться к Михаилу Федоровичу. Последний смог взять в свои руки даже сбор налогов, продовольствия и распределение поместий.

Анализ переписки показывает, что предположения некоторых исследователей о том, что Михаил Федорович получил ограниченную власть и стал безвольной игрушкой в руках бояр, беспочвенны. Из содержания грамот можно определить, что около царя к моменту его прибытия в Москву были следующие лица. Бояре: Ф.И. Шереметев, В.И. Бахтеяров-Ростовский, И.М. Воротынский, В.П. Морозов; окольничие: Ф.В. Головин, Д.И. Мезецкий, стольники: И.Ф. Троекуров, И.П. Шереметев, А.М. Львов, В.С. Куракин, Б.А. Хилков, И.И. Бутурлин, П.И. Пронский, Ф.В. Волынский; стряпчие: И.С. Погожий, П.Д. Исленьев, А.Ф. Палицын, А.Б. Воейков; дворяне: А.И. Зюзин, Г.А. Алябьев, В. Татищев, М.С. Дмитриев, М.Е. Пушкин, Ф.И. Волконский, М.И. Солнцев-Засекин; жильцы: Н. Воробьин, Я. Протопопов, М. Щетинин, М.С. Колтовский, П.Ф. Розанов, Д.С. Змеев. Дьяки: А. Иванов, В. Ларионов, М. Данилов, И. Болотников, А. Вареев и др.

Кроме того, были дворяне из городов: из Костромы – 42 человека (подробный перечень в царской грамоте от 29 апреля), из Галича – С. Свиньин, из Ярославля – 5 человек, но может быть и

больше (царская грамота от 29 апреля содержит утраты), атаманы: Б. Каменное Ожерелье, Р. Федоров, К. Малыгин; есаулы: Ф. Потрекеев, С. Кузьмин, В. Долгой, Б. Литвинов, Н. Шапкин, А. Федосеев, И. Иванов, Е. Мошин, Г. Иванов, С. Касимовец, станичные есаулы: И. Григорьев, К. Иванов, 20 казаков, с ними: голова стрелецкий М. Тиханов, сотник Ф. Скворцов и 10 конных стрельцов (из приложения к наказу И.М. Воротынского).

Из грамот известно, что в царскую ставку ездили жители Боровска, Рязска, Михайлова, Казани, Свяжска и Нижнего Новгорода с сообщением о присяге.

Около царя были его родственники, двоюродные братья, Б.М. Салтыков, возглавивший с двумя дьяками Дворцовое ведомство, и М.М. Салтыков.

В итоге, можно предположить, что вместе с духовными лицами и жителями близлежащих городов царская свита могла превышать 200 человек.

Из переписки можно узнать, кто были городскими воеводами в то время и какие города активно поддерживали нового царя.

Переяславль-Рязанский – М.А. Вельяминов, активно боролся с Заруцким, ему в помощь был отправлен И.Н. Одоевский Меньшой.

Зарайск – А.Ф. Гагарин, помогал М.А. Вельяминову.

Псков – И.Ф. Хованский, Н.Д. Вельяминов, дьяки М. Милославский, В. Корин. В помощь им из царской ставки были отправлены С.В. Прозоровский и Л.А. Вельяминов, а также атаманы с казаками во главе с В. Аничковым.

Нижний Новгород – В.А. Звенигородский, А. Алябьев, дьяк В. Семенов.

Ярославль – И.Ф. Хованский, С.В. Головин, дьяк Ф. Юдин.

Казань – был Н. Шульгин, заменен Ю. Ушатым и дьяком Ф. Лихачевым.

Свяжск – был С. Собакин, заменен Ф. Щербатым и дьяком И. Сафоновым.

Боровск – Ф. Бутурлин.

Белев – А.А. Хованский.

Калуга – А.В. Измайлов.

Мценск – И.А. Хворостинин и Т. Мещерский.

В помощь воеводам северских городов были отправлены Д. Долгорукий и С. Колтовский с Г. Чебышевым.

Белозеро – Г. Образцов, С. Чепчугов и М. Копнин.

Архангельск (Двина) – Н.М. Пушкин.

Устюжна – А.В. Сицкий, П. Загряжский и В. Тимофеев.

Бежецкий верх – Ф.С. Плещеев и Т. Лазарев.

Белгород – послан И. Спешнев.
Брянск – послан В. Зиновьев.
Рыльск – П. Воейков и Б. Износков.
Кашира – Г. Волконский, дьяк Д. Яковлев.
Тула – Г. Тюфякин.
Крапивна – М. Ивашкин, был убит литовцами.
Арзамас – был Д. Змеев, заменен царем на П. Львова, дьяка
С. Козадавлева.
У засеки – Г. Хлопов и Ф. Старостин.
Владимир – И.В. Измайлов.
Суздаль – Р.П. Пожарский.
Кадом – И. Можаров.
Алатырь – П.И. Батурлин.

Эта информация очень важна, поскольку разрядных записей за это время нет.

Из анализа переписки можно сделать некоторые выводы о том, кто были посыльные с грамотами. В особо важных случаях были следующие лица: И.В. Усов – с первой царской грамотой Земскому собору, стольники И.Ф. Троекуров и И.П. Шереметев с царскими требованиями к собору. В остальных случаях грамоты посылались с жильцами, дьяками и другими лицами: И. Маркин (жилец), И. Борисов (подьячий), Ф. Стромиллов (лихвинец), М. Данилов (дьяк), С. Ефремов, И. Сушков, Р. Ларионов, Ф. Чулков, М. Полтев, И. Дичков, С. Онучин, Ф. Засецкий, В. Павлов, Ф. Алябьев и др.

Значительный перечень посыльных говорит о том, что специальных лиц для этого не было. За исключением особо важных случаев грамоты отправляли с теми, с кем было наиболее удобно. Например, дьяк М. Данилов сам отвез царскую грамоту, запрещающую боярам отнимать у него имение.

В целом переписка содержит достаточно богатую информацию о состоянии государства в то время и управлении им.

ОКРУЖЕНИЕ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ЦАРСТВОВАНИЯ

2 мая состоялся торжественный въезд Михаила Федоровича в Москву. К сожалению, документальных свидетельств этой встречи нет. О ней можно судить только по краткому описанию в «Сказании» Авраамия Палицына, содержащему некоторые ошибки. Так, в нем отмечено, что в Братошино к Михаилу прибыли ростовский митрополит Кирилл и боярин И.М. Воротынский, суздальский же архиепископ Герасим с архиепископом Арсением